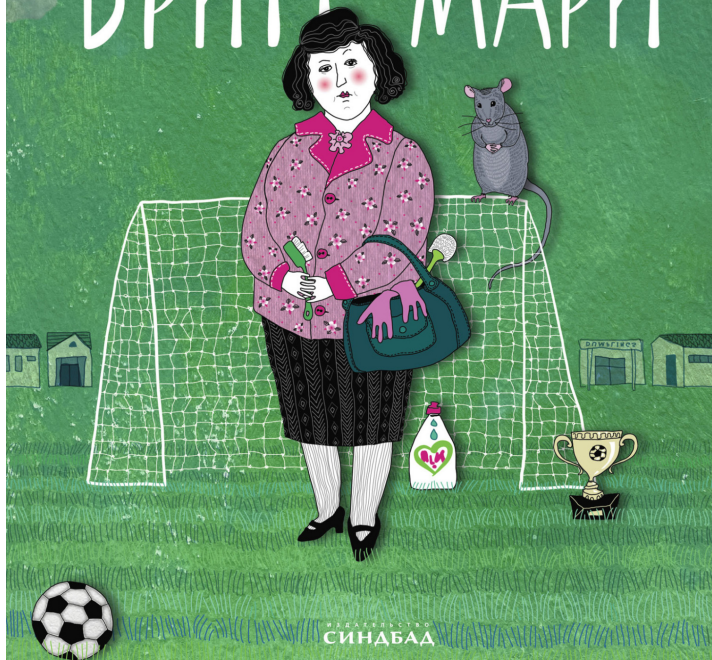

ФРЕДРИК БАКМАН

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРА «ВТОРАЯ ЖИЗНЬ УВЕ»

ЗДЕСЬ БЫЛА БРИТТ-МАРИ

Фредрик Бакман

Здесь была Бритт-Мари

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34115682

Здесь была Бритт-Мари: Синдбад; Москва; 2018

ISBN 978-5-00131-014-3

Аннотация

Бритт-Мари – не самый легкий в общении человек. Не то чтобы она была как-то особенно упряма, капризна или придирчива – просто свято уверена, что всегда, везде и во всем должен быть абсолютный порядок.

Но весь порядок рушится в одно мгновение, когда Бритт-Мари узнает, что Кент, с которым они сорок лет прожили в образцовом браке, изменил ей. Она принимает удивительное для самой себя решение – собрать чемодан и уехать куда глаза глядят. В захолустном провинциальном городишке с не очень приветливым населением Бритт-Мари придется налаживать новую жизнь. Которая окажется совершенно непохожей на прежнюю.

Содержание

1	5
2	18
3	30
4	41
5	53
6	65
7	75
8	88
9	97
10	111
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Фредрик Бакман

Здесь была Бритт-Мари

Посвящаю моей маме, которая всегда заботилась о том, чтобы у меня в желудке была еда, а на полке – книги

«Футбольный мяч работает на уровне инстинктов. Он катится по улице, ты просто бьешь по нему ногой. Любовь к футболу – как и всякая другая любовь: непонятно, как можно без нее прожить».

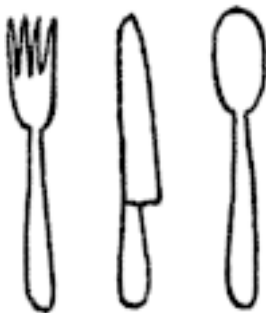
Fredrik Backman

BRITT-MARIE VAR HÄR

© Fredrik Backman 2014

© Издание на русском языке, перевод на русский язык.
Издательство «Синдбад», 2018

1

Вилки. Ножи. Ложки.

И только в таком порядке.

Разумеется, Бритт-Мари не из тех, кто осуждает других, ни в коем случае, но ведь ни одному цивилизованному человеку не придет в голову раскладывать столовые приборы в кухонном ящике как-то иначе? Бритт-Мари никого не осуждает, ни в коем случае, но мы же не животные?

Был январский понедельник. Бритт-Мари сидела за столиком в маленьком помещении службы занятости. Нет, столовые приборы тут, само собой, ни при чем, но они – симптом того, что все стало неправильно. Столовые приборы

должны лежать как обычно, потому что жизнь должна идти как обычно. Как обычно – значит прилично: на кухне порядок, на балконе прибрано, дети обихожены. Потому что на самом деле это хлопотней, чем может показаться. Иметь балкон.

И конечно, в обычной жизни люди не ходят в службу занятости.

Девушка, что тут работает, стрижена коротко, как мальчик. Конечно, ничего страшного. Это современно, а Бритт-Мари – человек без предрассудков. Девушка ткнула пальцем в бумагу и улыбнулась, словно куда-то торопилась.

– Просто впишите сюда имя, личный номер и адрес!

Бритт-Мари должна зарегистрироваться. Словно Бритт-Мари – уголовный элемент. Словно она явилась украсть работу.

– С молоком и сахаром? – спросила девушка и тут же поставила на столик кофе в пластиковом стаканчике.

Бритт-Мари никого не осуждает, разумеется, нет, но как такое вообще возможно? Пластиковый стаканчик! Мы что, на военном положении? Бритт-Мари хотела задать этот вопрос, но, поскольку Кент постоянно твердит, что Бритт-Мари надо «социализироваться», она только улыбнулась как можно дипломатичнее, ожидая, когда ей предложат подставку под стаканчик.

Кент – это муж Бритт-Мари. Он предприниматель. Невероятно, невероятно успешный. Ведет дела с Германией и

давным-давно социализировался. Девушка принесла две маленькие упаковки молока длительного хранения. Потом – пластиковый стаканчик с пластмассовыми ложечками. Приноси она змею, Бритт-Мари ужаснулась бы меньше.

– Не надо молока и сахара? – не поняла девушка.

Бритт-Мари покачала головой и провела рукой по столу, словно смахивая невидимые крошки. По всему столу лежали бумаги – в таком беспорядке! Прибраться девушке, конечно, некогда – надо карьеру делать.

– О'кей, просто впишите сюда свой адрес! – улыбнулась девушка бумаге.

Бритт-Мари уперлась взглядом в колени, стряхнула невидимые крошки с юбки. Ей так хочется домой, к ящику со столовыми приборами. К обычной жизни. Так хочется, чтобы рядом был Кент, ведь все бумаги всегда заполнял он.

Вот почему, когда девушка уже открыла рот, Бритт-Мари оборвала ее на полуслове:

– Вас не затруднит дать мне что-нибудь, на что можно поставить чашку? – отчеканила она, вложив всю свою природную доброжелательность в слово «чашка» применительно к пластиковому стаканчику.

– Что? – не поняла девушка. Словно чашки можно ставить куда попало.

Бритт-Мари улыбнулась – как можно более социализированно:

– Вы забыли дать мне подставку под чашку. Видите ли, я

не хочу, чтобы из-за меня на вашем столе осталось пятно.

Девушка по ту сторону стола, похоже, не сознавала, сколь это важно – ставить чашку на подставку. Или пользоваться приличной посудой. Или – судя по ее стрижке – иногда поглядывать в зеркало.

– Да какая разница. Ставьте сюда, – беззаботно ответила она и указала на свободное место на столе.

Словно все в жизни так просто. Словно совершенно неважно, ставишь ты чашку на подставку или нет и в каком порядке раскладываешь столовые приборы. Девушка постучала ручкой по графе «Адрес проживания». Бритт-Мари в высочайшей степени терпеливо выдохнула через нос; не вздохнула, нет, ни в коем случае.

– Мы ведь не станем ставить кофейные чашки прямо на стол? От горячего, знаете ли, остаются пятна.

Девушка поглядела на стол, который выглядел так, словно малыши ели картошку прямо с него. Садовыми вилами. В темноте. Улыбнулась:

– Да какая разница. Он и так уже весь облез и в царапинах! Внутри у Бритт-Мари все закричало.

– Вам, конечно, не приходило в голову, что это из-за того, что вы не пользуетесь подставками, – констатировала она.

Разумеется, благожелательно. А не «пассивно-агрессивно», как сказали про нее дети Кента, когда думали, что она не слышит. Бритт-Мари вовсе не пассивно-агрессивная. Она просто заботится обо всех. Однажды она услышала, как де-

ти Кента называли ее «пассивно-агрессивной», и несколько недель очень заботилась об окружающих.

Вид у девушки из службы занятости сделался несколько напряженный. Она потерла брови.

– Ну... вас зовут Бритт, да?

– Бритт-Мари. Бритт меня называет только сестра, – поправила Бритт-Мари.

– Вы только... заполните бумаги. Пожалуйста.

Бритт-Мари покосилась на документ, требующий выложить, где она живет и кто такая. Сколько же бестолковых документов нужно сегодня собрать, чтобы считаться человеком! Общество не подпустит тебя к себе, пока не предъявишь ему кучу дурацких справок.

В конце концов она нехотя вписала имя, фамилию, личный номер и номер мобильного. Графа «Адрес проживания» осталась пустой.

– Какое у вас образование? – продолжала допрашивать девушка.

Бритт-Мари вцепилась в сумочку.

– С вашего позволения, у меня великолепное образование, – проинформировала она.

– Но официально вы ничего не заканчивали?

Бритт-Мари коротко выдохнула. Не фыркнула, разумеется: Бритт-Мари не из тех, кто фыркает.

– С вашего позволения, я разгадала огромное количество кроссвордов. Без образования подобное просто невозмож-

но, – парировала она.

И отпила крохотный глоточек кофе. Совсем не такого, как у Кента. Кент варит необыкновенно вкусный кофе, это все говорят. Бритт-Мари отвечает за подставки, а Кент за кофе. Так устроена их совместная жизнь.

– О, – одобрительно улыбнувшись, девушка попробовала зайти с другого конца: – А какой у вас опыт работы?

– Моя последняя должность – официантка. Я получила исключительно хорошие рекомендации, – сообщила Бритт-Мари.

Девушка, кажется, воспрянула духом. Но ненадолго.

– А когда это было? – спросила она.

– В семьдесят восьмом году.

– О. – Девушка попыталась снова изобразить улыбку (без особого успеха). Потом сделала еще один заход: – И с тех пор вы не работали?

– С тех пор не прошло ни дня, чтобы я не работала. Я помогала мужу вести дела его предприятия, – оскорбилась Бритт-Мари.

Девушка снова воодушевилась. Можно подумать, она специально этому училась.

– Какую работу вы выполняли на этом предприятии?

– Я растила детей и заботилась о том, чтобы наш дом выглядел благопристойно.

Девушка улынулась, скрывая разочарование – так улыбаются люди, которые не понимают разницы между «жилпло-

щадью» и «домом». А вся разница на самом деле – в заботе. О том, чтобы были подставки под настоящие кофейные чашки, чтобы по утрам покрывало на кровати было натянуто так туго, что если, как говорит в шутку Кент своим знакомым, споткнешься о порог спальни, то «скорее сломаешь ногу о покрывало, чем об пол». Бритт-Мари терпеть не могла таких шуток. Цивилизованные люди поднимают ноги, переступая порог спальни. Неужели это так трудно? Быть людьми?

Когда они с Кентом куда-нибудь уезжают, Бритт-Мари двадцать минут насыпает матрас пекарским порошком, прежде чем постелить покрывало. В пекарском порошке содержится сода, бикарбонат натрия, он впитывает грязь и влагу. По опыту Бритт-Мари, сода помогает почти от всего. Кент обычно ворчит, что они опоздают; тогда Бритт-Мари сдержанно складывает руки в замок на животе и отвечает: «Перед отъездом нужно обязательно застелить кровать. Что, если мы погибнем?»

Вот по этой причине Бритт-Мари и ненавидит всякие поездки. Смерть. От смерти не поможет даже сода. Кент говорит, что она перегибает палку, и тогда внутри у Бритт-Мари все кричит. Люди то и дело погибают в поездках; если домовладелец взломает дверь квартиры и обнаружит несвежий матрас, что подумают соседи? Что Кент и Бритт-Мари жили в грязи, как свиньи?

Девушка посмотрела на часы:

– Ну... ладно.

Бритт-Мари в ее тоне услышала некоторую критику и тотчас перешла в оборону:

– Дети – близнецы, и у нас есть балкон. С балконом больше хлопот, чем кажется.

Девушка медленно кивнула:

– Сколько лет вашим детям?

– Это дети Кента. Им по тридцать.

Девушка кивнула еще медленнее:

– Значит, они уже не живут с вами?

– Разумеется, нет.

Девушка почесала стрижку, словно что-то там искала.

– А вам шестьдесят три?

– Да, – ответила Бритт-Мари так, словно этот факт не имел ни малейшего значения.

Девушка кашлянула, словно некоторое значение у факта все же имелось.

– Ну, Бритт-Мари, если честно... учитывая финансовый кризис и все такое, то как бы трудновато найти работу в вашей... ситуации.

Слово «ситуация» девушка произнесла так, словно оно пришло ей в голову отнюдь не первым. Бритт-Мари стоически вздохнула и снисходительно улыбнулась:

– Кент говорит, что финансовый кризис миновал. Он, знаете ли, предприниматель. Так что он разбирается в вещах, которые, может быть, несколько выходят за область вашей компетенции.

Девушка неоправданно долго моргала, потом глянула на часы.

– Да, ну так... я зарегистрировала вас и...

Кажется, она расстроилась. Это расстроило Бритт-Мари. Поэтому она решила сказать девушке что-нибудь приятное, тем самым выказав свою доброжелательность. Бритт-Мари оглядела кабинет в поисках подходящего предмета для комплимента и наконец произнесла:

– У вас очень современная стрижка.

И улыбнулась – крайне социализированно. Девушка машинально взъерошила волосы надо лбом.

– Что? А. Спасибо.

– Это смело – такая короткая стрижка, ведь у вас очень большой лоб, – доброжелательно кивнула Бритт-Мари.

Девушка, правду сказать, казалась несколько обескураженной, несмотря на комплимент. Так оно и бывает, когда в наши дни пытаешься общаться с молодежью. Девушка поднялась со стула.

– Спасибо, что пришли, Бритт-Мари. Теперь вы есть в нашей базе данных. До связи!

Она протянула руку. Бритт-Мари встала и всунула ей в руку пластиковый стаканчик с кофе.

– Когда? – поинтересовалась она.

– Ну вообще, трудно сказать...

Бритт-Мари дипломатично улыбнулась. Ни в коей, ни в малейшей степени не осуждающе.

– Разумеется, я просто буду сидеть и ждать. Словно мне больше нечем заняться. Вы это имели в виду?

Девушка сглотнула.

– Ну, наш сотрудник свяжется с вами насчет курсов по трудоустройству...

– Мне не нужны курсы, мне нужна работа, – попыталась толковать Бритт-Мари.

– Да-да, но мне трудно сказать, когда что-нибудь появится, – попыталась выкрутиться девушка.

Бритт-Мари вынула из сумочки записную книжку.

– Скажем, завтра?

– Что?

– Может что-нибудь появиться завтра? – осведомилась Бритт-Мари.

Девушка закашлялась.

– Ну как бы *может* появиться, то есть я хо...

Бритт-Мари достала из сумочки карандаш, рассерженно посмотрела сначала на его острие, потом на девушку.

– Вас не затруднит дать мне точилку?

– Точилку? – переспросила девушка так, словно речь шла о магическом артефакте тысячелетней давности.

– Мне надо внести нашу встречу в список дел, – сухо сообщила Бритт-Мари.

Некоторые люди не понимают важности списков, но бог свидетель, Бритт-Мари не из таких. У нее столько списков, что пришлось завести отдельный список списков. Иначе мо-

жет случиться что угодно. Она умрет. Или забудет купить соду.

Девушка протянула ей перьевую ручку, пробормотав что-то вроде «но вообще завтра у меня нет времени», но Бритт-Мари сощурилась на ручку и словно не слышала.

– Мы же не станем писать список чернилами? – воскликнула она. Как человек не понимает, что пункты в списке иногда приходится стирать ластиком!

Судя по виду девушки, ей уже хотелось, чтобы Бритт-Мари ушла.

– Другой нет. Но все равно мне завтра некогда, мой коллега вам позво...

– Ах-ха, – перебила ее Бритт-Мари.

Бритт-Мари часто так говорит. «Ах-ха». Не как «ха-ха», когда смеются, а как «ага» в момент сильнейшего разочарования. Когда обнаруживают мокрое полотенце на полу ванной. «Ах-ха». Потом Бритт-Мари сразу поджимает губы, чтобы дать понять: «Ах-ха» – это последнее, что она намерена сказать об этом деле. И то в виде исключения.

Девушка колебалась. Бритт-Мари держала ручку так, словно та была чем-то перемазана. Нашла в книжке список с пометкой «Вторник» и наверху, над «Убраться» и «Сходить в магазин», записала: «Позвонят из службы занятости».

И протянула ручку девушке. Та воодушевленно заулыбалась.

– Рада встрече! Мы с вами свяжемся! – произнесла она

так, словно и то и другое не совсем соответствовало истине.
– Ах-ха, – кивнула Бритт-Мари.

После чего удалилась из службы занятости. Девушка, конечно, думает, что это их последняя встреча, потому что совершенно не понимает, насколько серьезно Бритт-Мари относится к своим спискам. Девушка явно никогда не видела балкона Бритт-Мари.

А это на редкость, на редкость приличный балкон.

На улице январь, в воздухе зимний холод, но снег так и не лег – минусовая температура улик пока не оставила. Худшее время года для балконных растений. Покинув службу занятости, Бритт-Мари со списком покупок отправилась в супермаркет (не в свой обычный). Она не любит ходить в магазин одна, потому что не любит катить тележку. Тележку всегда катит Кент, а Бритт-Мари идет рядом и держится за край. Не потому, что пытается управлять, а потому что ей нравится держаться за вещи, за которые держится Кент. Они как будто движутся к одной цели.

Ужин Бритт-Мари съела холодным, ровно в шесть. Она так привыкла всю ночь сидеть и дожидаться Кента, что хотела отложить его порцию в холодильник. Но единственный холодильник, который здесь есть, оказался полон маленьких бутылочек со спиртным. Бритт-Мари села на кровать – не на свою кровать, потеряла безымянный палец: дурная привычка, которая проявляется от нервозности. Несколько дней назад

Бритт-Мари сидела на своей кровати и крутила обручальное кольцо, после того как особенно тщательно посыпала матрас пекарским порошком. Теперь она терла белый след на пальце, где всегда было обручальное кольцо.

У здания есть адрес, но это определенно не жилплощадь и не дом. На полу – два длинных ящика для балконных цветов, но в гостиничном номере нет балкона. Бритт-Мари больше нигде сидеть и ждать всю ночь.

И все же она сидела и ждала.

Служба занятости открывается в девять утра. Бритт-Мари, не желая показаться назойливой, подождала до двух минут десятого.

– Сегодня вы должны были позвонить, – без тени требовательности в голосе сообщила она, пока девушка открывала дверь офиса.

Сегодня ее коротко стриженные волосы лежали по-другому. Скорее набок, чем прямо. Не потому, что так было задумано, просто волосы легли на ту же сторону, на какой девушка спала. Что ж, так, разумеется, практичнее, ведь на парикмахерскую времени нет, надо делать карьеру. Бритт-Мари никого не осуждает. Но сама она уложила волосы так, как укладывают волосы, когда считают это важным.

– Что? – воскликнула девушка, причем выражение ее ли-

ца было отнюдь не позитивным.

В офисе сидели незнакомые люди. С пластиковыми стаканчиками.

– Кто это? – пожелала узнать Бритт-Мари.

– У меня встреча, – ответила девушка.

– Ах-ха, это, безусловно, важно, – констатировала Бритт-Мари и расправила видную только ей складку на юбке.

– Да... ну... – замялась девушка.

Бритт-Мари кивнула и с пониманием, а никак не осуждая, констатировала:

– А я, разумеется, ничего не значу.

Девушка поежилась, словно одежда вдруг стала ей не по размеру.

– Ну я как бы говорила вчера, что дам знать, если что-нибудь появится, я не обещала, что это будет сего...

Вынув из сумочки записную книжку, Бритт-Мари настойчиво заметила:

– Я внесла нашу встречу в список.

Девушка терла пальцами лоб, словно нащупывала там невидимые гвозди.

– Я сказала... *может быть*... сегодня.

Бритт-Мари улыбнулась исключительно благожелательной улыбкой.

– Понимаете, я бы не стала вносить нашу встречу в список, если бы вы о ней не сказали.

Девушка вздохнула:

– У меня встреча, я должна...

– Возможно, у вас было бы больше времени на поиски вакансий, если бы вы не сидели целыми днями на встречах? – В голосе Бритт-Мари звучало столько заботы!

– Мне очень жаль, но я действительно не могу вам помочь... – Девушка посмотрела на часы.

Бритт-Мари с поразительным терпением выдохнула через нос.

– Вы обязаны. Вот список. Понимаете, это ваше упущение.

– Что? – Глаза у девушки слегка округлились. Бритт-Мари выставила сумочку перед собой и вцепилась в нее обеими руками, словно в руль самоката.

– Вы вынудили меня писать ручкой. Поэтому написанного уже не сотрешь.

Девушка, кашлянув, вернула записную книжку Бритт-Мари.

– Мне очень жаль, что мы не поняли друг друга, но я должна вернуться на встречу.

Бритт-Мари крепче вцепилась в сумочку.

– Ах-ха. Значит, я должна сидеть здесь и ждать, словно мне больше нечем заняться. Наверняка вы именно так и думаете.

– Нет... я хотела сказать... – попыталась вывернуться девушка, но Бритт-Мари уже уселась на стул в коридоре.

Предварительно протерев его носовым платком, разуме-

ется. Мы же люди.

Девушка закрыла дверь со вздохом и закрыв глаза – примерно так задувают свечи на торте, загадав желание. Бритт-Мари осталась в коридоре одна. На девушкиной двери, чуть ниже ручки, виднелись две наклейки. На такой высоте, словно наклеивали дети. На наклейках – футбольные мячи. Бритт-Мари они напомнили о Кенте, потому что Кент обожает футбол. Футбол он любит больше всего на свете. Даже больше, чем рассказывать, сколько стоят его вещи, а уж это, бог свидетель, Кент любит.

Во время важных футбольных матчей утренняя газета вместо приложения с кроссвордами выходит со специальным приложением о футболе, и в такие дни от Кента слова разумного не добьешься. Когда Бритт-Мари спрашивает, что он хочет на ужин, Кент бормочет, не отрывая взгляда от мяча: «Да какая разница...»

Бритт-Мари никогда этого футболу не простит. Футбол отнимает у нее и Кента, и приложение с кроссвордами.

Бритт-Мари потеряла белое пятно на безымянном пальце. Вспомнила тот последний раз, когда приложение с кроссвордами заменили футбольным. Она тогда четыре раза прочитала всю остальную газету в надежде, что на какой-нибудь странице прячется кроссвордик, который она пропустила. Кроссворда не было, зато была заметка о смерти женщины – ровесницы Бритт-Мари. Этой заметки Бритт-Мари не

забыть никогда. Там говорилось, что женщина, прежде чем ее нашли, пролежала мертвая несколько недель: соседи пожаловались на зловоние, исходящее из ее квартиры. Бритт-Мари все думала и думала, какой же это ужас – когда соседи жалуются на зловоние. В заметке говорилось: «Смерть наступила от естественных причин». По свидетельству соседа, «когда домовладелец вошел в квартиру, на столе все еще стояли тарелки». Бритт-Мари спросила Кента, что, по его мнению, ела та женщина – ужасно, должно быть, умереть прямо за ужином, словно ты съел что-то испорченное. Кент буркнул «Да какая разница» и прибавил громкость: футбол. Внутри у Бритт-Мари все закричало.

Разница огромная. Ужин имеет значение.

Медленно прошло полчаса. Дверь девушкиного кабинета наконец открылась, оттуда вышли люди. Девушка, воодушевленно улыбаясь, попрощалась со всеми; при виде Бритт-Мари энтузиазма в ее улыбке поубавилось.

– А, вы еще здесь. Ну как бы, Бритт-Мари, мне ужасно жаль, но у меня нет вре...

Бритт-Мари встала, стряхнула с юбки невидимые крошки.

– Это я понимаю. Вам надо делать карьеру, и у вас, естественно, нет времени на кого-нибудь вроде меня.

Слово «карьера» Бритт-Мари произнесла с заботой в голосе. Без малейшего осуждения. Однако девушка, кажется, все же услышала в этом осуждение, потому что лицо у нее

сделалось как у одной соседки Бритт-Мари, которой Бритт-Мари попыталась выказать свою заботу. Соседка обозвала Бритт-Мари «старой перечницей», потому что Бритт-Мари позвонила ей в дверь и благожелательно уведомила о правилах пользования общедомовой прачечной. В четвертый раз. Бритт-Мари очень обиделась. Не на «старую», это она все же смогла вынести, но какая же Бритт-Мари «перечница»? Она заботливая, а это совсем другое. Она объясняла это соседке каждый раз, как они встречались, пока через несколько месяцев та не заорала: «Да сколько можно талдычить одно и то же, черт побери!» Бритт-Мари эти слова глубоко ранили, потому что она не из тех, кто талдычит. «Разве я такая? Как по-твоему, я талдычу, Кент? Как ты думаешь? Я талдычу?» – спросила она Кента тем вечером. «Ненене, ё-моё», – пробормотал Кент. «Вот и я, именно это я и говорю! Ничего я не талдычу!» – кивнула Бритт-Мари. После этого она всю ночь пролежала без сна. Она разволновалась из-за того, что в доме есть люди, которые совершенно несправедливо полагают, будто Бритт-Мари способна талдычить.

– Мне очень жаль, но... – нетерпеливо начала девушка, явно намереваясь выпроводить Бритт-Мари. Поэтому Бритт-Мари перебила, кивнув на наклейки:

- Если вы любите футбол, вам, наверное, это нравится.
- Да! Вам тоже? – просияла девушка.
- Разумеется, нет, – прояснила ситуацию Бритт-Мари.
- Ага...

– Ах-ха.

Девушка покосилась на свои наручные часы, потом на еще одни, настенные. Она явно вознамерилась выдворить Бритт-Мари, так что Бритт-Мари решила выказать некоторую социализированность.

– У вас сегодня волосы лежат по-другому, – заметила она.

– Что?

Бритт-Мари доброжелательно улыбнулась:

– Стрижка выглядит не как вчера. Разумеется, это современно. Когда не надо ничего решать.

И тут же добавила:

– Разумеется, ничего страшного.

Ведь Бритт-Мари никого не осуждает. Девушка откашлялась.

– О'кей. Спасибо, но теперь я...

– Похоже, это очень практично. Стрижка, – одобрительно кивнула Бритт-Мари.

На самом деле короткие волосы торчали во все стороны, как если бы кто-то пролил апельсиновый сок на ковер с ворсом. Кент постоянно это делал, когда пил водку с апельсиновым соком во время этих футбольных матчей, пока Бритт-Мари не решила, что с нее достаточно, и не перетасщила ковер в гостевую комнату. Это было тринадцать лет назад, но она до сих пор думает об этом. Ковры Бритт-Мари и ее воспоминания в этом смысле похожи: с них трудно свести пятна.

Но стрижка, конечно, может быть какой угодно. Сегодня она напоминает укроп, который вырастили в горшке на балконе. Ничего страшного, разумеется. Против укропа у Бритт-Мари нет ни малейших предубеждений.

Девушка кашлянула. Стрижка никак себя не проявила.

– К сожалению, у меня нет времени.

– А когда будет? – уточнила Бритт-Мари.

Девушка задышала, словно очень полный мужчина, а не очень худенькая девушка.

– В каком смысле?

Бритт-Мари достала записную книжку и методично прошлась по списку дел.

– У меня есть время в три часа.

– У меня сегодня все расписано, не полу... – сделала попытку девушка.

– Также я могу встретиться с вами в четыре или в пять часов, – дипломатично предложила Бритт-Мари.

– Сегодня мы закрываемся в пять.

– Значит, договоримся на пять, – подытожила Бритт-Мари, изготовившись сделать пометку в списке; свежезаточенный карандаш материализовался между ее указательным и большим пальцами.

– Но я же говорю – не получится! – простонала девушка.

– Значит, в пять вы заняты? – поинтересовалась Бритт-Мари.

– Да... ну как бы мы закрыва...

– А позже пяти мы встретиться не можем, – заметила Бритт-Мари.

– Что?

Бритт-Мари улыбнулась с поистине ангельским терпением.

– Я не хочу с вами ссориться. Совершенно не хочу. Но, голубушка, разве у нас военное положение? Цивилизованные люди ужинают в шесть, так что позже пяти для встречи поздновато, вы так не думаете?

– Да?

– Как по-вашему, мы можем встретиться за ужином?

– Нет... ну... а... что?

Бритт-Мари кивнула так, словно кивок стоил ей величайшего усилия.

– Ах-ха. В таком случае постарайтесь не опаздывать. Иначе картошка остынет.

И она записала: «18.00. Ужин».

Девушка еще что-то кричала ей вслед, но Бритт-Мари уже ушла. У нее нет времени стоять и талдычить одно и то же весь день напролет.

На часах было девять тридцать пять. Снова в дверь постучали ровно в одиннадцать. За дверью оказалась заботливая Бритт-Мари.

– У вас на что-нибудь аллергия? – спросила она.

– Чего? – отозвалась девушка.

– Есть ли что-то, чего вы не едите? – пояснила Бритт-Мари с тем стоическим спокойствием, каким следует вооружиться, говоря с человеком, который на любой твой вопрос отвечает: «Чего?»

– Я... вегетарианка, – выдавила девушка.

Бритт-Мари вынула записную книжку.

– Ах-ха.

Девушка засопела.

– Но... я же объяснила, что сегодня вечером не смогу...

– Вы рыбу едите? – перебила Бритт-Мари.

– Да... ну да, ем, но я же ска...

– Рыба – не вегетарианская еда, это мясо. Мясо рыбы, – пояснила Бритт-Мари.

Девушка прижала кончики пальцев к векам – так делают, когда привыкли объяснять сложные вещи простыми словами только потому, что многим кажется, что о сложных вещах надо уметь говорить просто.

– Я не ем красного мяса. Но людям обычно понятнее, если я говорю, что я вегетарианка.

Бритт-Мари приняла это к сведению.

– Вы едите лосося? – спросила она и участливо уточнила: – Это, знаете ли, рыба.

– Да. Я ем лосося, – признала девушка.

Бритт-Мари стряхнула невидимые крошки с юбки. Расправила несуществующую складку.

– Но мясо у лосося красное.

Может быть, девушка и собиралась что-то ответить, но Бритт-Мари уже спешила прочь.

Лосося Бритт-Мари готовит великолепно, потому что лосось – единственная рыба, которую любит Кент. Каждый день в пять часов Бритт-Мари звонит ему и спрашивает, вернется ли он домой в шесть, к ужину. Кент почти всегда говорит «нет», потому что у него встреча с немцами, но когда бы он ни пришел домой – горячий ужин всегда на столе.

«Ах-ха. Значит, невкусно?» – говорит обычно Бритт-Мари, пока Кент жует, и в ее голосе ни тени жалобы. «Ну что ты, что ты! Очень вкусно, очень!» – бормочет Кент, не отрывая взгляда от спортивной страницы в утренней газете. Он читает утреннюю газету вечером, отчего внутри у Бритт-Мари все тихонько кричит.

«Если вкусно, мне было бы приятно, если бы ты это сказал», – говорит она обычно и стряхивает со скатерти в ладонь невидимые крошки. «Господи боже, Бритт-Мари, я же сказал – очень вкусно!» – непонимающе возражает Кент, продолжая вычитывать что-то в телефоне. Бритт-Мари обычно поднимается и стряхивает невидимые крошки в раковину. Потом разгружает посудомойку и раскладывает столовые приборы как положено.

Кент обычно ставит свою тарелку в мойку, смотрит результаты матчей в телетексте и ложится спать. Бритт-Мари подбирает с пола спальни его рубашку и относит в стираль-

ную машину. Потом стирает, убирается и снова кладет на место его бритву в ванной. Кент обычно утверждает, что она «спрятала» бритву; по утрам он стоит и кричит «Бриии-итт-Мариии!», когда не может найти бритву, но конечно же Бритт-Мари ничего не прячет. Она кладет вещи на место. Есть разница. Иногда она кладет их на место для порядка, а иногда – чтобы услышать, как Кент выкрикивает ее имя по утрам. Потому что Бритт-Мари очень любит, когда он окликает ее по имени.

Потом день идет своим чередом, Кент возвращается домой поздно, ужинает, смотрит результаты футбольного матча по телетексту и ложится спать. Бритт-Мари стирает его рубашку. Ей хочется, чтобы когда-нибудь он положил рубашку в стиральную машину сам. Ей хочется, чтобы когда-нибудь он сам сказал, что ужин вкусный, чтобы ей не надо было выпрашивать эти слова. Ужины – это важно.

«Как вкусно!» Это важно.

У дверей службы занятости Бритт-Мари была без пяти пять, потому что являться на встречу раньше назначенного невежливо. Ветер тихо шевелил ей волосы. Бритт-Мари так не хватало ее балкона, что она зажмурилась до боли в висках. Обычно она работает на балконе по ночам, поджидая Кента. Он всегда говорит – не жди меня, ложись. И все же она не ложится. С балкона видно машину Кента, и, когда он входит, горячий ужин уже на столе. Когда Кент засыпает, Бритт-Мари подбирает с пола его рубашку и относит в стиральную машину. Если воротничок запачкан, Бритт-Мари обрабатывает его смесью уксуса и соды. Утром она просыпается рано, укладывает волосы, прибирает на кухне, сыплет соду в цветочные ящики и моет все окна «Факсином». Это ее любимое средство для стекол. Он даже лучше, чем сода.

Некоторые утверждают, что мыть окна каждый день незачем, но, когда Бритт-Мари помоеет окна, просыпается Кент, когда просыпается Кент – начинается день. А как можно на-

чать день с грязными окнами?

Окна в гостиничном номере, где поселилась Бритт-Мари, стали такими чистыми, что, уходя в магазин, она задерживала шторы: вдруг птица влетит прямо в стекло? Это было бы ужасно, ведь тогда пришлось бы мыть окно еще раз, а «Факсин» у Бритт-Мари вышел. Если у Бритт-Мари нет хотя бы одного полного флакона «Факсина» в запасе, она чувствует себя не вполне человеком. Тогда может случиться все что угодно.

Она записала себе: «Купить “Факсин”». Думала даже поставить рядом восклицательный знак, чтобы подчеркнуть важность пункта, но сдержалась. Потом Бритт-Мари отправилась не в свой обычный супермаркет, в котором все стояло не на своих местах. Она спросила про «Факсин» молодого человека из персонала. Он не знал, что это. Внутри у Бритт-Мари все закричало, но она объяснила молодому человеку: это средство, которым она моет окна; молодой человек пожал плечами и предложил выбрать любое другое. Тогда Бритт-Мари так рассердилась, что достала список и поставила в нем восклицательный знак.

Колесо тележки заело, и Бритт-Мари проехала по собственной ноге.

Она зажмурилась, прикусила щеки: так захотелось, чтобы рядом был Кент! Бритт-Мари нашла лососину по специальной цене, взяла картошки и овощей. С полочки с надписью

«Канцелярские принадлежности» она взяла карандаш, две точилки и положила их в тележку.

– У вас есть карта постоянного покупателя? – спросил тот же молодой человек, когда она подошла к кассе.

– Какая карта? – недоверчиво поинтересовалась Бритт-Мари.

– Лосось по специальной цене – только по карте, – объяснил он.

Бритт-Мари терпеливо улыбнулась:

– Видите ли, обычно я покупаю продукты не в этом магазине. Там, где я обычно покупаю продукты, карта постоянного покупателя есть у моего мужа.

Молодой человек достал буклет.

– Можно оформить карту прямо сейчас, не вопрос. Просто впишите имя и адрес вот сю...

– Я ни в коем случае не стану этого делать! – сказала Бритт-Мари.

Само собой, очень благожелательно. Но всему есть границы! Неужели, чтобы просто купить лосося, надо указывать свое имя и адрес? Бритт-Мари не собирается никого взрывать этим лососем. Она собирается запечь его в духовке и подать с картошкой и зеленой фасолью. Как все нормальные люди.

– Но тогда, короче, сорри, но придется заплатить полную цену, – сказал молодой человек.

– Ах-ха, – произнесла Бритт-Мари.

Вид у молодого человека сделался неуверенный.

– Если у вас не хватает денег, я мо...

Глаза у Бритт-Мари расширились.

– Голубчик, с деньгами у меня все в порядке! В полном порядке! – Бритт-Мари хотела выкрикнуть эти слова и швырнуть кошелек на ленту конвейера, но вместо восклицания вышел шепот, а кошелек она просто подвинула вперед.

Молодой человек пожал плечами и принял деньги. Бритт-Мари хотела сказать, что ее муж – предприниматель, и не было дня в ее жизни, когда бы она оказалась не в состоянии заплатить полную цену за лосося. Но молодой человек уже занимался следующим покупателем.

Словно Бритт-Мари ничего не значила.

Ровно в пять часов Бритт-Мари постучалась в дверь кабинета. Девушка открыла; она уже успела надеть пальто.

– Ах-ха. Вы уже уходите, – заметила Бритт-Мари.

Девушка, кажется, собралась оправдываться.

– Я... ну, мы сейчас закрываемся... я говорила, так что мне...

– И когда вас ждать?

– Что?

– Я же должна знать, когда ставить картошку вариться.

– Картошку?

– Картошка – это вегетарианское, – выдохнула Бритт-Мари, словно теперь ее вынуждали оправдываться.

Девушка потеряла глаза.

– Да, да, о'кей. Прошу прощения, Бритт-Мари. Но я пытаюсь вам сказать, что не мо...

– Это вам. – Бритт-Мари достала карандаш.

Когда девушка, растерявшись, взяла карандаш, Бритт-Мари вынула еще точилки, голубую и розовую. Кивнула на одну, на другую, а затем (она человек без предрассудков) на девучкину стрижку.

– Вас нынче не поймешь. Так что я купила обоих цветов, на выбор.

Девушка, видимо, не вполне уловила, что подразумевалось под этим «вас».

– С-спасибо. Наверное.

– А теперь, если вас это не слишком затруднит, я хотела бы, чтобы мне показали, где тут у вас кухня, иначе я не успею сварить картошку, – благожелательно произнесла Бритт-Мари.

Девушка едва не воскликнула: «У нас?» – но в последний момент удержалась от протестов, решив, словно маленький ребенок перед купаньем, что они сделают процесс только дольше и мучительнее. Поэтому она только вздохнула так глубоко и обреченно, что затрещали пуговицы на пальто.

– Но я... я как бы... да ну на фиг! Кухня для персонала – здесь. – И она взяла у Бритт-Мари пакет с продуктами.

Бритт-Мари пошла за ней; на любезность ей захотелось ответить каким-нибудь комплиментом.

– Какое стильное пальто, – сказала она наконец.

Девушка машинально коснулась ткани.

– Спасибо! – искренне улыбнулась она. Бритт-Мари кивнула:

– Очень смело – носить красное в это время года.

Девушка засопела. Бритт-Мари стряхнула с юбки невидимые крошки.

– Где у вас ножи, вилки и все подобное? – спросила она, оказавшись на кухне.

Девушка, границы терпения которой сжимались на глазах, выдвинула ящик. В одной его половине были как попало навалены кухонные принадлежности. Другую занимал пластиковый контейнер для столовых приборов. Один. Для вилок, ложек и ножей.

Раздражение на девушкином лице сменилось выражением самой настоящей тревоги.

– По... послушайте, вы хорошо себя чувствуете? – спросила она.

Бритт-Мари в полуобморочном состоянии опустилась на стул.

– Дикари, – прошептала она и прикусила щеки. Девушка, явно растерявшись, села напротив. Ее взгляд упал на левую руку Бритт-Мари. Пальцы Бритт-Мари неловко терли белое пятно на коже, похожее на шрам после ампутации. Заметив, что девушка смотрит на палец, Бритт-Мари испуганно спрятала руку под сумочку, словно за ней подглядывали в душе.

Девушка подняла брови:

– Можно спросить... прошу прощения, но... зачем вы вообще сюда пришли, Бритт-Мари?

– Я хочу найти работу. – Бритт-Мари принялась рыться в сумочке в поисках носового платка, чтобы вытереть стол.

Девушка смущенно покачивалась вперед-назад в безуспешной попытке выглядеть беззаботно.

– При всем моем уважении, Бритт-Мари, вы не работали сорок лет. Почему сейчас вам так важно найти работу?

– Я работала сорок лет. Я вела дом. Поэтому это так важно именно сейчас. – Бритт-Мари смела со стола несуществующие крошки.

Девушка не ответила, и Бритт-Мари добавила:

– Понимаете, я прочитала в газете про женщину, которая умерла и пролежала в своей квартире несколько недель. Там писали, что «смерть наступила от естественных причин». Ее ужин так и остался на столе. Но это же неестественно. Никто не знал, что она умерла, пока соседей не начал беспокоить запах.

Девушка растерянно почесала прическу.

– Ну так... значит, вы... хотите найти работу, чтобы... – Она неуверенно подыскивала слова.

Бритт-Мари терпеливо выдохнула. Ни в коей мере не возмущенно.

– У нее не было ни детей, ни мужа, ни работы. Никто не знал, что она вообще существует. А если у тебя есть работа,

то кто-нибудь заметит, что тебя нет.

Девушка, вынужденная остаться на рабочем месте, хотя рабочий день давно закончился, долго-долго смотрела на женщину, вынудившую ее это сделать. Бритт-Мари сидела, выпрямив спину, как сидела каждый вечер на балконе, дожидаясь Кента. Она не хотела ложиться до его возвращения, потому что боялась засыпать, когда никто не знает, что она есть.

Бритт-Мари прикусила щеки, потерла белое пятно.

– Ах-ха. Для вас это, конечно, звучит нелепо. Я знаю, что беседы не самая моя сильная сторона. Муж говорит, я недостаточно социализирована.

Последние слова она прошептала. Девушка, сглотнув, кивнула на кольцо, которого больше не было на пальце Бритт-Мари.

– Что случилось с вашим мужем?

– Сердечный приступ.

Веки девушки смущенно опустились, с состраданием поднялись.

– Мне очень жаль. Я не знала, что ваш муж умер.

– Он не умер, – прошептала Бритт-Мари.

– О, я подумала... – начала девушка.

Бритт-Мари встала и принялась раскладывать приборы так, словно они совершили преступление.

– Я не пользуюсь духами. И я всегда просила его класть рубашку в стиральную машину сразу, как он приходит до-

мой. Он никогда этого не делал. А потом ругался на меня из-за того, что стиральная машина шумит по ночам.

Она замолчала, чтобы поскорее указать духовке, что кнопки на ней расположены в неправильном порядке. Духовке стало стыдно. Бритт-Мари кивнула.

– Это она позвонила мне из больницы, куда его отвезли с приступом.

Девушка встала, желая помочь. Благоразумно села, когда Бритт-Мари отыскала в ящике филейный нож.

– Когда дети Кента были маленькими и жили у нас каждую вторую неделю, я читала им сказки. Я любила про портного. Это такая сказка, представьте себе. Дети хотели, чтобы я придумывала сказки сама, но я не понимаю, какая в этом польза, если есть уже готовые, написанные профессиональными писателями. Кент говорил, это потому, что у меня нет фантазии, но у меня великолепная фантазия!

Девушка молчала. Бритт-Мари прогрела духовку. Положила лососину в форму. И замерла.

– Только богатая фантазия позволит тебе несколько лет делать вид, будто ты ничего не понимаешь, когда стираешь рубашки, от которых пахнет духами... – прошептала она.

Девушка снова встала. Мягко положила руку на плечо Бритт-Мари.

– Я... простите, я...

Она замолчала, хотя никто ее не перебивал. Бритт-Мари сцепила руки на животе, глядя в духовку.

– Мне нужна работа, потому что мне не кажется уместным беспокоить соседей запахом. Я хочу, чтобы кто-нибудь знал: я есть, я здесь.

Ну что на такое ответишь?

Когда лосось был готов, они уселись за стол и принялись за еду, не глядя друг на друга.

– Она очень красивая. Молодая. Я его не порицаю, совершенно не порицаю, – сказала наконец Бритт-Мари.

– Вот падла! – воскликнула девушка, охваченная внезапной солидарностью.

– Что это значит? – оскорбленно спросила Бритт-Мари. Девушка кашлянула.

– Ну... я хотела сказать... ну, нехороший человек.

Бритт-Мари опустила глаза в тарелку.

– Ах-ха. Очень мило с вашей стороны.

Ей захотелось сказать в ответ что-нибудь приятное, и она с некоторым усилием произнесла:

– У вас... да, я хотела сказать – у тебя... вас сегодня прекрасно уложены волосы.

– Спасибо! – улыбнулась девушка.

Бритт-Мари кивнула:

– Лоб меньше заметен, чем вчера.

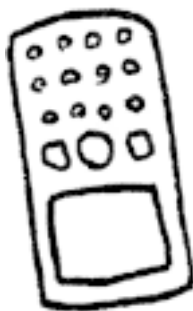
Девушка тут же потеряла лоб под челкой. Бритт-Мари смотрела в свою тарелку, борясь с побуждением подойти к

разделочному столу и отложить порцию для Кента. Девушка что-то сказала. Бритт-Мари подняла глаза и пробормотала:

– Простите?

– Ужасно вкусный был лосось, – повторила девушка.

Хотя Бритт-Мари ее об этом даже не спрашивала.

Вот так Бритт-Мари получила работу. Ее рабочее место находилось в Борге, и через два дня после того, как девушка из службы занятости была приглашена на лосося, Бритт-Мари отправилась в Борг на своей машине. Так что придется сказать несколько слов о Борге.

Борг – это поселок у шоссе. Вежливый человек выразился бы о Борге именно так. Это не то место, которое «одно на миллион», скорее – «одно из миллиона». Здесь есть футбольное поле, которое закрыли, школа, которую закрыли, аптека, которую закрыли, винный магазин, который закрыли, такие же закрытые поликлиника, продуктовый магазин и торговый центр, а еще дорога, которая ведет из посел-

ка в две стороны.

Есть тут, конечно, и молодежный досуговый центр – не закрытый исключительно потому, что закрыть его еще не успели. Закрыть весь поселок целиком – дело, знаете ли, небыстрое, так что молодежному центру придется подождать своей очереди. В остальном единственные две заметные вещи в Борге – это футбол и пиццерия, потому что за футбол и пиццу человек держится до последнего.

Знакомство Бритт-Мари с пиццерией и центром молодежного досуга началось с того, что январским днем она поставила свою белую машину на парковке между пиццерией и молодежным центром. А знакомство с футболом – с сильнейшего удара по голове.

Причем сразу после того, как ее машина взорвалась. Так что в целом впечатления Бритт-Мари и Бор-га друг от друга оказались не совсем позитивными.

Строго говоря, взрыв произошел, когда Бритт-Мари только завернула на парковку. В правой части салона раздалось «бу-буум» (если бы вдруг понадобилось описать этот звук). Поддавшись вполне объяснимой панике, Бритт-Мари отпустила и сцепление, и тормоз, отчего машина зашлась кашлем, словно ее напугали, когда она ела попкорн, и, совершив бешеный вираж по мерзлым январским лужам, резко остановилась перед строением, отмеченным судорожно ми-

гающими красными неоновыми буквами «ПИЦЦ Р Я». Перепуганная Бритт-Мари выскочила из машины, резонно полагая, что после взрыва машина загорится. Но этого не случилось. Бритт-Мари стояла на парковке посреди такой тишины, какая бывает только в поселках и никогда – в городах. Как досадно. Бритт-Мари поправила юбку и крепко вцепилась в сумочку.

Футбольный мяч преспокойно прокатился по гравию, прочь от машины Бритт-Мари, и исчез за строением, обозначенным как «МОЛО ЁЖНЫЙ ЦЕНТ». Когда мяч закатился за угол, раздался стук. Как будто кто-то затеял сухую чистку одеяла, только насыпал в барабан машины камней вместо теннисных мячиков. Звучит, конечно, странно, но Бритт-Мари и не такого нагляделась в общей прачечной дома, где живут они с Кентом. В наше время люди творят что заблагорассудится.

Бритт-Мари достала из сумочки список дел. Первым пунктом в нем значилось «Поехать в Борг». Этот пункт она вычеркнула. Дальше шло «Взять ключи на почте».

Достав из сумочки мобильный телефон, который Кент подарил ей пять лет назад, Бритт-Мари в первый раз по нему позвонила.

– Алё? – ответила девушка из службы занятости.

– Теперь отвечать по телефону принято так? – поинтересовалась Бритт-Мари. Благожелательно. Без малейшего осуждения.

– Что? – ответила девушка, все еще в счастливом неведении насчет того, что если Бритт-Мари и покинула здание службы занятости, то это ничего не меняет.

– Я сейчас в этом самом Борге. Здесь что-то страшно грохнуло, и у меня взорвалась машина. Далеко тут почта?

– Бритт-Мари? – уточнила девушка после некоторого раздумья, порожденного затаенной надеждой на отрицательный ответ.

– Вас очень плохо слышно! – проинформировала ее Бритт-Мари.

– Взорвалась?

– С машиной что-то не так. Она взорвалась, это я слышала отчетливо, – пояснила Бритт-Мари.

– С вами все в порядке? – встревожилась девушка.

– Разумеется! Но как быть с машиной?

– Но... как бы... это же ваша машина.

– Ах-ха, – ответила Бритт-Мари.

Некоторое время обе молчали.

– Алло? – произнесла наконец Бритт-Мари.

– Да? – откликнулась девушка.

– Да! – подтвердила Бритт-Мари.

– Я не разбираюсь в машинах, – попыталась выкрутиться девушка.

Бритт-Мари выдохнула – в высшей степени терпеливо.

– Вы сказали, чтобы я звонила, если у меня возникнут вопросы, – напомнила она.

Неужели кто-то думает, что она разбирается в машинах. После того как они с Кентом поженились, она садилась за руль всего пару-тройку раз, потому что никогда никуда не ездила без Кента, а Кент водит машину просто изумительно.

– Я имела в виду вопросы непосредственно по... работе, – вздохнула девушка на том конце.

– Ах-ха. Конечно, только это имеет какое-то значение. Карьера. Если бы я погибла от взрыва, всем было бы все равно, – констатировала Бритт-Мари.

– Я имела в виду... – пролепетала девушка.

– Разумеется, погибни я, это всем было бы на руку. Освободилось бы рабочее место. Это хорошо для статистики, – произнесла Бритт-Мари – исключительно дружелюбно и без малейшей нотки жалости к себе.

Она отлично знает про статистику. Про статистику в наше время столько пишут в газетах, что едва остается место для кроссвордов.

– Бритт-Мари, пожалуйста...

– Вас очень плохо слышно! – благожелательно проговорила Бритт-Мари и положила трубку.

После чего долго стояла одна, больно прикусив щеки.

Из-за молодежного центра доносился гулкий стук. Центр еще не закрыли, но, по словам девушки из службы занятости, открыли для закрытия. Закрыть его не успели лишь потому, что на декабрьском собрании муниципального совета столь-

ко всего предстояло закрыть в первую очередь, что закрытие молодежного центра грозило сорвать торжественный рождественский ужин. А поскольку такими вещами не шутят, принятие решения о закрытии молодежного центра перенесли на следующее собрание, которое (с учетом рождественских отпусков) предстояло в конце января. Связь с местным отделом кадров входила в зону ответственности ответственного за связь с общественностью, но ответственный ушел в отпуск, а заместитель ответственного безответственно забыл связаться с общественностью, вследствие чего заявка на заведующего административно-хозяйственной частью молодежного центра попала в службу занятости только в начале января, когда общественность в лице кадровиков обнаружила, что в поселке имеются административно бесхозные помещения. Так что все элементарно, хотя и непросто.

Как бы то ни было, предложенная Бритт-Мари работа оказалась не только исключительно низкооплачиваемой, но и в высшей степени временной – на три недели, вплоть до очередного заседания муниципального совета. К тому же молодежный центр находился в Борге – поселке, о котором цивилизованные люди могут сказать только то, что он расположен у шоссе – обстоятельство, дополнительно сужавшее круг соискателей.

Она-то и подвернулась девушке из службы занятости, вынужденной накануне есть лосося и пообещавшей подыскать Бритт-Мари работу. Так что на следующее утро в девять

ноль две Бритт-Мари постучалась в дверь кабинета, чтобы узнать, как продвигается дело. Девушка включила компьютер, отчетливо вздохнула – так, словно у нее в ноздре застряло что-то большое и неудобное, – и сообщила: «Есть одна вакансия. Но это поселок в чистом поле, а ставка такая, что вам выгоднее и дальше сидеть на пособии».

«Ни на каких пособиях я не сижу», – возмутилась Бритт-Мари так, словно у нее заподозрили неприличную болезнь. Девушка снова вздохнула и заговорила о «курсах переподготовки» и «мерах», которые служба могла бы предложить Бритт-Мари вместо этой должности, но Бритт-Мари ответила, что ей не нужны никакие меры. «Но поймите, это работа всего на три недели, и ехать вам придется туда, в этот самый... Борг». – Девушка поискала Борг на карте у себя в компьютере.

«Ах-ха», – сказала Бритт-Мари и поправила сумочку на коленях. Девушка задумчиво потерла лоб и очень серьезно добавила: «Бритт-Мари, не хочу показаться невежливой, но в вашем возрасте я бы категорически не стала соглашаться на такую работу». Бритт-Мари кивнула, встала, расправила складку на юбке и ответила: «Не хочу показаться невежливой, но с вашим лбом я бы категорически не стала соглашаться на такую стрижку».

Тут вид у девушки стал такой, словно она хотела сказать «Тогда пеняйте на себя». Потом она нажала на «Печать», и все стало так, как стало.

И вот Бритт-Мари в Бorge, и ее машина взорвалась – не лучшее начало работы на новой должности, что нет, то нет.

Не то чтобы Бритт-Мари это осуждала. Ни в коем случае. Бритт-Мари не из тех, кто осуждает.

Но лучше бы рядом был Кент – что да, то да.

Второй раз телефон девушки из службы занятости зазвонил через три минуты после беседы о взорвавшейся машине.

– Где я могу найти уборочный инвентарь? – спросила Бритт-Мари.

– Что?

– Вы сказали, что я могу звонить, если у меня будут вопросы по работе, – напомнила Бритт-Мари.

– Вас очень плохо слышно, Бритт-Мари, – ответила девушка словно из жестянки. – У вас там плохая связь?

Бритт-Мари кротко вздохнула и повторила как можно медленнее:

– Вы сказали, что я могу з-в-о-н-и-ть, если у меня будут вопросы по р-а-б-о-т-е. Это – вопрос по работе. Где ин-вен-тарь?

– Что? Я не знаю! – отозвалась девушка из своей жестянки.

Бритт-Мари, не повышая голоса, перешла на отчетливую артикуляцию:

– А теперь послушайте меня, голубушка. Я намеревалась

найти эту почту, где, как вы уведомили, я смогу получить ключи от досугового центра, но я шагу не сделаю в этот центр, пока вы не уведомите меня, где я могу найти рабочий инвентарь!

– Но я-то откуда знаю! – донеслось из жестянки.

Бритт-Мари всплеснула руками, едва не уронив телефон.

– Я стою перед этим самым досуговым центром этого самого поселка. Окна невероятно грязные. Просто невероятно. Неужели в этом поселке все живут в грязи?

– Не знаю! – прокричала девушка.

– А что вы знаете? – прокричала в ответ Бритт-Мари.

– Ну... как... не знаю. *Бритт-Мари, вас очень плохо слы...*

Бритт-Мари уже собралась выразить сомнение, что в службе занятости знают вообще хоть что-нибудь о предлагаемых вакансиях, как вдруг на парковку снова выкатился футбольный мяч. Бритт-Мари он не понравился. Ничего личного, Бритт-Мари не то чтобы не понравился этот конкретный мяч – она в принципе не любитель футбольных мячей. А предубеждений у нее нет.

За мячом выбежали двое детей, не менее грязных и в продранных на коленках джинсах. Догнав мяч, дети пнули его назад и снова скрылись за зданием центра. Один из них, оступившись, оперся рукой об окно: на стекле остался черный отпечаток.

– Сумерки богов! – в ужасе воскликнула Бритт-Мари.

Она часто прибегает к этому выражению. «Сумерки богов». Оно невероятно многозначно – по крайней мере, в устах Бритт-Мари; но, как правило, оно означает, что встреченный человек производит впечатление уголовника. Не то чтобы Бритт-Мари склонна осуждать людей, но все же.

– Что такое? – заинтересовалась девушка на том конце, когда Бритт-Мари замолчала.

– Разве эти дети не должны быть в школе? – задала встречный вопрос Бритт-Мари и мысленно сделала себе пометку: поставить еще один восклицательный знак после «Купить „Факсин“!» в списке. Даже если в этом поселке нет магазинов.

– Чего?

– Послушайте, голубушка, вы все время говорите «что, чего». Из-за этого кажется, что вам не хватает культуры.

– Но... ну... очень плохо вас слышно, у вас что, хэндс фри?

– Что это?

– Ну это... или... нет, – вздохнула девушка. – Проехали!

– Что проехали? – разволновалась Бритт-Мари.

– Что там у вас за дети? – Девушка попыталась свернуть на менее опасную тему.

– Здесь есть дети! – кратко проинформировала ее Бритт-Мари.

– О'кей, но, Бритт-Мари, пожалуйста, я ведь ничего не знаю о Борге! Я там никогда не была!

– Да-да-да, я все понимаю. Вы так заняты своей карьерой, – благожелательно заметила Бритт-Мари.

Девушка засопела.

– Дорогая Бритт-Мари, вас очень плохо слышно, вы, наверное... ну... вы уверены, что держите телефон не вверх ногами?

Бритт-Мари скептически посмотрела на телефон. Перевернула его.

– Ах-ха, – сказала она в микрофон так, как говорят «ах-ха», когда доля вины за качество связи все-таки лежит на собеседнике.

– Вот теперь я вас отлично слышу! – одобрила девушка.

– Честно говоря, я никогда не пользовалась этим аппаратом. Представьте себе, у людей могут быть другие дела помимо того, чтобы целыми днями болтать по телефону, – проинформировала ее Бритт-Мари.

– О, не беспокойтесь. С новыми телефонами я тоже вечно путаюсь, – призналась девушка, охваченная внезапным порывом дружелюбия и сочувствия.

– Я ни в коем случае не беспокоюсь! И это ни в коем случае не новый телефон, ему уже пять лет, – поправила ее Бритт-Мари.

– О, – сказала девушка.

– Раньше у меня не было в нем надобности. Мне, представьте, было чем заняться. Я не звоню никому, кроме Кента, а ему я звоню с домашнего телефона, как цивилизован-

ные люди.

– Ну а если вы не дома? – поинтересовалась девушка, как все те, кто смутно себе представляют, как выглядел мир до того, как люди получили возможность дозвониться до кого угодно в любое время суток.

Бритт-Мари терпеливо выдохнула:

– Голубушка, если я не дома, то я не дома с Кентом.

Бритт-Мари, по-видимому, собиралась сказать что-то еще, но тут увидела крысу. Крыса бежала по замерзшим лужам парковки, здоровенная, как средних размеров комнатное растение. Бритт-Мари помнила, что собиралась очень громко закричать. Но, увы, не успела. Вместо этого все вокруг почернело, и бесчувственное тело Бритт-Мари опустилось на землю.

Ей в голову с размаху угодил футбольный мяч. Так состоялось первое знакомство Бритт-Мари с футболом в Борге.

Очнулась Бритт-Мари на полу. Чей-то голос что-то ей говорил, но мысли Бритт-Мари занимал пол. Вдруг он грязный, а она умерла? Люди то и дело падают замертво. Вот ужас-то – умереть на грязном полу. Что люди подумают!

– Э-э? Вы это, как его? Скончались? – донеслось до Бритт-Мари, но она думала только о поле.

Дома полы у Бритт-Мари всегда чисто вымыты, на случай, если она умрет, но это вовсе не означает, что Бритт-Мари так уж нравится мыть полы. Кент и дети никогда не понимали разницы. Как-то Бритт-Мари попыталась объяснить Кенту. Вот, скажем, ей, Бритт-Мари, нравится театр, ведь должно же что-то в жизни нравиться, но вымытые полы нравятся ей совершенно в другом смысле.

Кент сказал «дадада», и в тот год Бритт-Мари получила

на Рождество устройство для мытья полов водяным паром. «Тебе будет легче», – довольным голосом сказал Кент, словно Бритт-Мари мечтала именно об этом. Больше она не пыталась объяснять, что ей нравится. Что Бритт-Мари важна не легкость. А чтобы что-то имело значение.

Кент мог бы подарить ей билеты в театр.

– Э-э, тетка! Ты чего, умерла? – повторил тот же голос и присвистнул.

Бритт-Мари терпеть не может, когда свистят. К тому же у нее болела голова. От пола пахло пищей. Это было бы ужасно – умереть с головной болью и пахнуть пищей. Кент обожает пищу, вечно роняет куски на пол. Когда-то, лет пятнадцать назад, Бритт-Мари приняла откровенно экстремистское решение не мыть полы с неделю, чтобы Кент и дети почувствовали, каким грязным стал пол, но Кент с детьми не обратили на это внимания, а вот Бритт-Мари обратила такое внимание, что продержалась всего полтора дня. Не обращай внимания – и ты победитель в этом мире, вот какой урок усвоила Бритт-Мари. Совсем как в сказке про портного, которую она читала детям, когда им еще нравилось ее слушать. Заказчик оставляет портному отрез ткани, чтобы тот сшил ему сюртук, а когда приходит за заказом, портной говорит: «Не вышел сюртук, выйдут штаны». Когда заказчик приходит снова, портной говорит: «Не вышли штаны, выйдет жилетка». Потом – «выйдут рукавицы». Когда заказчик возвращается за варежками, портной пожимает плечами и говорит:

«Не вышли рукавицы». – «А что вышло?» – спрашивает заказчик, а портной отвечает: «Пшик вышел!» Бритт-Мари порой кажется, что эта сказка про нее.

– Э-эй! Ты это, как его? Очухалась? – Голос стал бесцеремоннее, а запах пиццы отчетливее.

Бритт-Мари не в особом восторге от пиццы, потому что от Кента часто пахло пиццей, когда он возвращался домой поздно вечером после встреч с Германией. Бритт-Мари помнит все его запахи. Но яснее всего – тот, из больничной палаты. В палате было полно цветов, так принято – приносить букеты человеку, пережившему сердечный приступ, но от рубашки, лежащей на краю постели, Бритт-Мари уловила еще запах духов и пиццы.

Кент спал, слегка похрапывая. Бритт-Мари в последний раз взяла его за руку; он не проснулся. Потом она сложила его рубашку, сунула в сумочку. Придя домой, она вычистила воротник содой и уксусом и дважды простирала в машине, а потом повесила на плечики. Потом вымыла окна «Факсинорм» и освежила матрас пекарским порошком, внесла с балкона цветочные ящики, уложила сумку и в первый раз в жизни включила мобильный телефон. В первый раз в их с Кентом жизни. Она подумала, что дети будут звонить и спрашивать, как там Кент. Они не позвонили. Прислали каждый по эсэмэске.

Когда-то, детям тогда было лет по двадцать, они обещали приезжать в гости каждое Рождество. Потом стали придумы-

вать предлоги, чтобы не приезжать. Прошло несколько лет, и они перестали придумывать предлоги. Наконец они перестали даже притворяться, что хотят приехать. Писем приходило мало. Вышел пшик.

Бритт-Мари всегда любила театр, потому что ей нравилось, как актерам в конце аплодируют за то, что они притворялись. Сердечный приступ Кента и голос той молодой и красивой, которая позвонила сообщить о болезни Кента, лишили Бритт-Мари возможности притворяться и дальше. Невозможно дальше притворяться, что кого-то не существует, если она звонит тебе по телефону. И Бритт-Мари покинула больницу с пропахшей духами рубашкой и разбитым сердцем.

А за это цветов не подносят.

– Во херня. *Умерла* ты, что ли? – нетерпеливо спросил голос.

Бритт-Мари показалось в высшей степени невежливым, что ее оборвали на полусмерти. Причем такими ужасными словами. Ведь у слова «херня» есть множество пристойных синонимов, если так уж необходимо выразить именно это понятие. Не вполне очнувшись Бритт-Мари спросила стоявшую над ней Личность:

– Прошу прощения, где я? – на что услышала бодрый ответ:

– Здравсте! В поликлинике!

– Но тут пахнет пиццей, – с трудом произнесла Бритт-Мари.

– Да, поликлиника, понимаешь, она же и пиццерия.

– Это не гигиенично, – с трудом выговорила Бритт-Мари.

Личность пожала плечами:

– Сначала пиццерию закрыли. Потом, понимаешь, поликлинику. Кризис, вот такая херня. Крутимся как можем, понимаешь. Но все норм. Первая помощь имеется!

Личность (кажется, женского пола) жизнерадостно указала на открытый пластмассовый ящик с красным крестом и надписью «Первая помощь». Потом махнула характерно пахнувшей бутылкой.

– А это, понимаешь, вторая помощь! Будешь?

– Прошу прощения? – простонала Бритт-Мари, щупая шишку на лбу. Больно.

Личность, которая, как выяснилось при ближайшем рассмотрении, не стояла, а сидела над Бритт-Мари, сунула ей стакан.

– Винный магазин закрыли. Так что, понимаешь, крутимся как можем. Гляди! Водка эстонская или типа того. Неведомая херня, в буквальном смысле. Может, вообще не водка. Один хрен, язык малость дерет, но это с непривычки. Помогает от этого, как его? Обморожения!

Бритт-Мари, страдальчески качая головой, заметила на своем жакете красные пятна.

– Это кровь? – в ужасе воскликнула она.

Было бы ужасно неприятно оставить пятна крови на полу у Личности, даже если пол и немытый.

– Нет! Нет! Ни фига подобного! Ну, шишка-то вскочит после того, как в тебя пульнули, а это, понимаешь, томатный соус, – громогласно сообщила Личность, пытаясь обтереть жакет Бритт-Мари салфеткой.

Бритт-Мари заметила, что Личность сидит в инвалидном кресле. Это трудно не заметить. Личность, кажется, пьяна. В своем суждении Бритт-Мари исходила только из того, что от Личности пахло водкой и она не попадала в пятно салфеткой. Но ни в коей мере не из предубеждений.

– Я посижу тут, пока ты не перестанешь помирать. Захочешь есть – пообедаешь, – ухмыльнулась Личность и протянула руку к лежащей на табуретке полусъеденной пище.

– Обедать? Сейчас? – пробормотала Бритт-Мари, ведь не было и одиннадцати.

– Есть хочешь? Вот пицца! – пригласила Личность.

Только теперь сказанное достигло сознания Бритт-Мари.

– Что значит «пульнули»? В меня что, *стреляли*? – выдохнула она, ощупывая голову в поисках отверстия.

– Дадада. Футбольным мячом по башке, – кивнула Личность, пролив водку на пищу.

Судя по виду Бритт-Мари, она предпочла бы мячу пистолет. Как менее грязный предмет.

Личность, на вид лет сорока, и вынырнувшая сбоку от нее девочка, на вид лет тринадцати, помогли Бритт-Мари под-

няться. Такого ужаса, как на голове у Личности, Бритт-Мари в жизни не видела. Словно Личность причесывалась перепуганным ежом. Девочка была хотя бы причесана, зато джинсы разорваны на коленках. Разумеется, это очень современно.

Личность беззаботно ухмыльнулась:

– Ребятишки, пуляют и пуляют, засранцы. Футбол хренов. Но ты не сердись, они нечаянно!

Бритт-Мари щупала шишку на лбу.

– У меня что, грязь на лице? – спросила она робко и в то же время с укором.

Личность мотнула головой и отъехала назад, к пище. Бритт-Мари смутилась, заметив за угловым столиком, над кофейными чашками и вечерними газетами, двух бородатых мужчин в кепках. Как это неприятно – лежать без сознания на виду у всего кафе! Но никто из мужчин не удостоил ее и взгляда.

– Ты в обмороке была всего ничего, – беспечно объяснила Личность, упирая на «всего ничего», и покатила мимо Бритт-Мари с куском пиццы как раз между ртом и кофтой.

Вынув из сумочки крошечное зеркальце, Бритт-Мари вытерла лоб. Упасть в обморок крайне неприятно, но куда неприятнее при этом перепачкаться. Что, если бы она умерла? Что люди бы подумали? Прямо посреди кафе.

– Откуда вы знаете, что они не целились нарочно? – спросила она всего лишь с капелькой осуждения.

Личность развела руками:

– Потому что попали! Когда целятся – ни в жисть не попадут. Футболисты хреновы.

– Ах-ха.

– Ну уж не так все плохо... Ну уж прямо, – обиженно буркнула девочка.

В ее руках Бритт-Мари увидела футбольный мяч. Девочка держала его так, как держат футбольный мяч, когда изо всех сил сдерживаются, чтобы не поддать его ногой.

Личность одобрительно вскинула руку в сторону девочки:

– Это Вега. Работает тут!

– А почему она не в школе? – спросила Бритт-Мари, не спуская глаз с мяча.

– А почему вы не на работе? – ответила Вега, держа мяч, как держат руку любимого человека.

Бритт-Мари крепче вцепилась в сумочку.

– Позволь заметить, я именно туда и направлялась, когда мне запульнули по голове. Представь себе, я заведующая административно-хозяйственной частью молодежного центра. Сегодня мой первый рабочий день.

Вега изумленно раскрыла рот. Словно услышанное неким образом меняло все. Но ничего не сказала.

– Завхоз в центре? – обрадовалась Личность. – Так бы и сказала! У меня же тут это, как его? Заказное письмо! С ключом, ну!

– Меня уведомили, что я получу ключи на почте, – благожелательно поправила ее Бритт-Мари.

– Это тут! Почту закрыли, понимаешь! – гаркнула Личность и покатила к стойке, не выпуская бутылку из рук.

Наступившую тишину нарушил звяк дверного колокольчика и шаги нечищенных ботинок по немытому полу. Личность подняла голову из-под стойки:

– Здорово, Карл! Тут твоя посылка, погоди!

Бритт-Мари обернулась – и едва снова не упала от удара в плечо. Она подняла глаза и увидела густую бороду прямо под невероятно грязной кепкой. Борода, в свою очередь, глядела на нее сверху вниз.

– Смотри, куда идешь! – раздалось из стыка бороды с кепкой.

Бритт-Мари, все это время не сходявшая с места, ужасно растерялась. Поэтому покрепче вцепилась в сумочку и ответила:

– Ах-ха.

– Вы же сами на нее налетели! – фыркнула вдруг Вега у нее за спиной.

Бритт-Мари это совсем не понравилось. Непонятно, как быть, когда за тебя заступаются. Потому что непривычно.

Личность отдала Карлу посылку; тот раздраженно зыркнул на Вега и враждебно – на Бритт-Мари. Потом угрюмо кивнул мужчинам за столиком в углу. Те кивнули в ответ, еще угрюмее. Дверь радостно звякнула у Карла за спиной. Что с нее взять?

Личность похлопала Бритт-Мари по плечу.

– Да и хрен с ним. Карл это, как его? Как лимон в жопе, понимаешь?

Бритт-Мари не очень поняла, но Личность это мало беспокоило.

– Вечно бурчит – на жизнь, на вселенную и вообще, ну. Не любят они всяких из города, понимаешь, – сообщила она Бритт-Мари, кивнув на слове «они» на мужчин за столиком.

Те читали газеты и пили кофе, в упор не видя обеих.

– Откуда он узнал, что я из города? – поинтересовалась Бритт-Мари.

Личность закатила глаза. Не зная, как это понимать, Бритт-Мари решила разобраться с пятнами на жакете. Лучше бы это были пятна крови, потому что кровь можно удалить содой. А насчет пятен от пищи Бритт-Мари не знала.

С кличем «Пошли! Покажу тебе молодежный центр!» Личность покатила к двери.

Бритт-Мари засмотрелась на полки с продуктами по другую сторону пиццерии/поликлиники/почты. Словно в супермаркете.

– Прошу прощения, это не магазин?

– Магазин, понимаешь, закрыли, крутимся как можем! – воскликнула Личность.

Бритт-Мари подобное показалось не вполне гигиеничным. И тут же вспомнились грязные окна молодежного центра.

– Прошу прощения, нет ли у вас в продаже «Факсина»?

– Не-а, – ответила Личность, явно не представляя, что такое «Факсин».

Бритт-Мари терпеливо улыбнулась:

– Это средство для мытья окон.

Бритт-Мари никогда не пользовалась другими средствами, только «Факсином». В детстве она увидела в отцовской утренней газете рекламу. Женщина стояла, глядя в чистое окно, а под картинкой было написано: «„Факсин“ позволит вам увидеть мир». Бритт-Мари влюбилась в эту картинку. Повзрослев, она стала мыть окна с «Факсином» каждый день, она мыла окна с «Факсином» всю свою жизнь и никогда не имела проблем с тем, чтобы видеть мир. Это мир ее не видел.

– Да понимаю, понимаешь, но «Факсина» тут, понимаешь, нет! – объяснила Личность.

– Что вы хотите этим сказать? – поинтересовалась Бритт-Мари с легким укором.

Личность пожала плечами:

– Понимаешь, «Факсин» сняли с этого, как его? Производства! Невыгодно.

Распахнув глаза, Бритт-Мари пролепетала прерывающимся голосом:

– Что вы хотите этим сказать?

– С производства, понимаешь, – повторила Личность.

Бритт-Мари потрясенно молчала.

– Разве можно так поступать? – выговорила она наконец.

– Невыгодно, – ответила Личность. Как будто это ответ.

– Но ведь так поступать нельзя? – возмущенно воскликнула Бритт-Мари.

Личность пожала плечами:

– Да хрен с ним. У меня есть другое средство! Хочешь?

– Только «Факсин», – отрезала Бритт-Мари, оскорбленная самой мыслью о возможности использовать другое средство.

– У меня есть какая-то русская хрень, вполне себе, вон там... – Личность уже было отправила Вегу за флаконом.

– Нет! – перебила ее Бритт-Мари. И прошипела, идя к двери: – Тогда уж лучше содой!

Никому не позволено решать за Бритт-Мари, как ей смотреть на мир.

Бритт-Мари споткнулась о порог. Словно не только люди в Борге, но и сам поселок не хочет ее принимать. Она стояла у дверей пиццерии, на пандусе для инвалидных колясок. Поджав пальцы в сапоге почти в кулак, чтобы унять боль. Трактор проехал по шоссе в одну сторону, грузовик – в другую. Потом шоссе опустело. Бритт-Мари никогда не бывала в таких маленьких поселках – только проезжала мимо, в машине, рядом с Кентом. Кент презирал их, эти поселки. «Это из-за них у нас самые высокие налоги в мире. Не поселки, а лагеря на социалке. Соцлагеря», – выдыхал он и радостно кудахтал, словно сострил впервые. Если Бритт-Мари не принималась тотчас же смеяться, Кент пихал ее локтем в бок и вопил: «Понимаешь? Соцлагеря!» Словно все дело именно в этом.

Снова обретя равновесие, Бритт-Мари крепче вцепилась в сумочку и шагнула с пандуса на большую, засыпанную гравием парковку. Шла она быстро, словно за ней гнались. На самом деле за ней катилась Личность. Вега с футбольным мячом побежала к другим ребятам, тоже в рваных на коленках джинсах. Через пару шагов Вега остановилась, покосилась на Бритт-Мари и пробурчала:

– Сорри, что мы попали вам мячом по голове. Мы в вас не целились.

А потом повернулась к Личности и ядовито добавила:

– Но *могли бы* попасть, даже если бы прицелились!

Она ударила ногой по мячу, послав его мимо мальчишек, в забор между молодежным центром и пиццерией. Кто-то из ребят принял подачу и отбил мяч в тот же забор. Только теперь Бритт-Мари поняла, что это за стук такой стоит в Борге. Один из мальчишек явно целился в забор, но вместо этого умудрился запулить мяч назад, в сторону Бритт-Мари, под таким углом, что это был почти рекорд среди антирекордов.

Мяч медленно подкатился к Бритт-Мари. Дети, казалось, ждали, что она отобьет его. Бритт-Мари отодвинулась, словно мяч собрался в нее плюнуть. Мяч прокатился мимо. Подбежавшая Вега недоуменно спросила:

– Что же вы не отбиваете?

– А с какой стати я должна была что-то отбивать? – удивилась Бритт-Мари.

Вега сердито уставилась на Бритт-Мари как на сумасшед-

шую, Бритт-Мари ответила тем же. Девочка точным ударом отправила мяч назад, к мальчишкам, и убежала. Бритт-Мари отряхнула юбку от пыли. Личность глотнула водки.

– Засранцы, понимаешь. Футболисты хреновы. Они и в воду не попадут с этой, как ее? С лодки! Но им же надо где-то, это самое, играть. Вот такая хрень. Муниципалы закрыли футбольную площадку. Землю продали под эту самую, как ее, кооперативную застройку. Потом финансовый кризис, вся херня, ну и вот: ни кооперативов, ни площадки.

– Кент говорит, что финансовый кризис миновал, – доброжелательно проинформировала ее Бритт-Мари.

Личность фыркнула.

– У этого Кента небось, это, как его? Жопа вместо головы?

Непонятно даже, что было обиднее – тот факт, что Бритт-Мари не представляла себе значения этого оборота, или то, что, по ее представлениям, он мог значить.

– Кент разбирается в этом лучше вас. Он, представьте себе, предприниматель. Невероятно успешный. Ведет дела с Германией, – объяснила она.

Личность это не впечатлило. Она указала водочной бутылкой на детей:

– Футбольную команду разогнали, когда закрыли футбольную площадку, ну. Хорошие игроки перебрались на хер в город.

Она кивнула в сторону упомянутого «города», потом снова на детей:

– В город. В двух милях отсюда, ну. А этих вот бросили. Как твой этот, как его? «Факсин»! Сняли с производства. Люди должны окупаться. Этот твой Кент небось одной жопой думает. Финансовый кризис, может, из больших городов и ушел, но в Борге ему, понимаешь, понравилось. Прижился тут, гад!

Хохот Личности стремительно перешел в приступ кашля. Бритт-Мари отметила, что о городе в двух милях отсюда Личность говорит с совершенно другой интонацией, чем о городе, откуда приехала Бритт-Мари. С разным уровнем презрения. Личность сделала такой основательный глоток, что прослезилась, и продолжила:

– В Борге, понимаешь, все ездят на грузовиках. Здесь было, это, как его? Бюро перевозок! Потом, понимаешь, хренов финансовый кризис. В Борге теперь больше людей, чем грузовиков, и больше грузовиков, чем работы.

Бритт-Мари крепче вцепилась в сумочку, ощутив смутную потребность защищаться.

– Тут крысы живут, – сообщила она Личности – без малейшего возмущения.

Личность рассеянно глотнула водки.

– Им тоже надо где-то жить, ну?

Бритт-Мари кивнула, ни в коей мере не осуждающе.

– Крысы грязные. Они живут в грязи. Но вас это не бес-

покоит. Это вас, наверное, радует.

Личность почесала в ухе. Внимательно изучила кончик пальца. Глотнула еще водки.

Бритт-Мари добавила крайне благожелательно:

– Если бы вы уделяли больше времени поддержанию чистоты, думаю, у вас в Борге не было бы такого финансового кризиса.

Личность ее, похоже, не слушала.

– Это все это, как его? Миф! Что крысы грязные. Это миф, ну. Они это, как его? Чистоплотные! Умываются, как кошки, понимаешь, язычком. Вот мыши засранки, гадят где ни попадя, а у крыс есть вроде сортира. Срут в одном месте, ну.

При слове «срут» она указала пальцем на собственный зад. Бритт-Мари постаралась не обращать на это внимания. Личность указала на машину Бритт-Мари:

– Ты лучше отгони машину. А то шарахнут по ней мячом.

Бритт-Мари терпеливо покачала головой:

– Это невозможно, она взорвалась, когда я ее парковала.

Личность, смеясь, объехала вокруг машины и посмотрела на вмятину на передней пассажирской двери – вмятину, отчетливо повторяющую форму футбольного мяча.

– Ага. Выброс гравия, – ухмыльнулась она.

– Что это? – Бритт-Мари невольно обошла машину следом за Личностью и теперь сердито смотрела на вмятину в форме футбольного мяча.

– «Выброс гравия». Когда автосервис связывается со стра-

ховой компанией, ну. Автосервис это называет – «выброс гравия».

Бритт-Мари рылась в сумочке в поисках списка.

– Ах-ха. Тогда прошу прощения, где ближайший автосервис?

– Тут, – ответила Личность.

Бритт-Мари скептически сощурилась. На Личность, разумеется, а не на ее кресло. Бритт-Мари не из тех, кто осуждает.

– Вы ремонтируете машины?

Личность пожала плечами:

– Автосервис закрыли. Крутимся как можем. Да ты наплюй пока на это! Пошли, покажу тебе молодежный центр?

Она протянула конверт с ключами. Бритт-Мари взяла конверт, посмотрела на бутылку в руках Личности и вцепилась в сумочку. Потом покачала головой:

– Спасибо, все в порядке. Лишнее беспокойство ни к чему.

– Да разве это беспокойство? – И Личность небрежно выписала креслом полукруг вперед-назад.

Бритт-Мари снисходительно улыбнулась:

– Я имела в виду не ваше беспокойство.

Потом повернулась и быстро, чтобы Личность не вздумала последовать за ней, пересекла парковку. Забрав из машины сумки и цветочные ящики, она потащила их к молодежному центру. Отперла его, вошла и заперла изнутри. Не по-

тому, что ей настолько не нравилась Личность, вовсе нет. Бритт-Мари не из тех, кто не любит людей.

Но запах водки напоминал о Кенте.

Снова зазвонил мобильный. Особого энтузиазма в голосе девушки из службы занятости не ощущалось.

– Прошу прощения, но придется связаться с санэпидем-станцией, здесь водятся крысы! – уведомила ее Бритт-Мари.

– Но, Бритт-Мари, пожалуйста, я же пыталась вам об... – начала девушка голосом человека, чей лоб опасно прибли-зился к столешнице.

– Вы сказали, что я могу звонить, если будут вопросы по работе. Это – вопрос по работе. Крысы на рабочем месте – это негигиенично! – констатировала Бритт-Мари.

– О'кей-о'кей-о'кей, я посмотрю, что смогу сделать, – про-лепетала девушка голосом человека, который колотит себя телефоном по голове.

Бритт-Мари закончила разговор. Огляделась. Снаружи лупили в стену, пыльный пол испещрили крысиные следы. И Бритт-Мари поступила так, как всегда поступала в трудных ситуациях: принялась за уборку. Она вымыла окно с содой и вытерла стекла газетой, смоченной уксусом. Результат по-лучился почти как с «Факсином», но ощущение совсем не то. Сделав кашину из соды, она отдраила кухонную мойку, потом вымыла полы, потом, смешав соду с лимонным соком, отчистила кафель и краны в ванной, потом смешала соду

с зубной пастой и отполировала раковину. Потом насыпала соду в свои цветочные ящики, потому что иначе заведутся улитки.

Кажется, что в ящиках только земля, но там, в глубине, в ожидании весны спят цветы. От того, кто поливает эту землю, зима требует веры. Надо помнить: в том, что выглядит как пустое место, дремлет великая сила. Бритт-Мари не знала, есть ли у нее вера – или осталась только надежда. А может, больше уже нет ни того ни другого.

Обои молодежного центра, покрытые фотографиями людей и футбольных мячей, равнодушно глядели и на нее, и на ее ящики. Футбольные мячи тут были повсюду. Каждый раз, заметив мяч краем глаза, Бритт-Мари сильнее терла пол шваброй, но, разумеется, без малейшей пассивной агрессии. Просто тщательно и благожелательно. Она занималась уборкой, пока стук в стену не прекратился и дети с футбольным мячом не разошлись по домам. Лишь после заката Бритт-Мари поняла, что свет в помещении есть только на кухне. И приземлилась там, на островке люминесцентного света посреди почти закрытого молодежного досугового центра.

Почти всю кухню занимала мойка с разделочным столом, холодильник и две деревянные табуретки. Единственным содержимым холодильника оказалась пачка кофе. Бритт-Мари укорила себя, что не взяла ванильной эссенции. Если смешать ванильную эссенцию с содой, в холодильнике будет пахнуть свежестью.

Она в нерешительности остановилась перед современно-го вида кофеваркой. Бритт-Мари не варила кофе много лет, потому что Кент делает ужасно вкусный кофе, и Бритт-Мари всегда полагала, что лучше дожидаться, когда он придет домой. Но у кофеварки светилась кнопка – такой любезности Бритт-Мари давно не оказывали. Поэтому она попыталась открыть крышку, куда, по ее представлениям, засыпают кофе. Крышка не поддавалась. Кнопка начала сердито мигать. Бритт-Мари это показалось оскорбительным. В отчаянии она дернула крышку, отчего мигание усилилось, отчего Бритт-Мари дернула крышку еще отчаяннее, и тут кофеварка перевернулась. Крышка отлетела, и жижа из кофейной гущи выплеснулась Бритт-Мари на жакет.

Говорят, в путешествии человек меняется; вот почему Бритт-Мари терпеть не может путешествовать. Меняться она не хочет. Видимо, все дело в путешествии, объясняла она себе потом бешенство, какого не помнила с того дня в самом начале их с Кентом супружества, когда Кент прошел по паркету в ботинках для гольфа.

Бритт-Мари схватила швабру и что есть сил принялась лупить черенком по кофеварке. Кофеварка сперва мигала, потом в ней что-то хрустнуло, и мигание прекратилось. Бритт-Мари снова и снова обрушивала на нее удары швабры, пока руки не затряслись, а глаза не перестали различать контуры мойки.

Бритт-Мари, задыхаясь, нашарила в сумочке носовой пла-

ток. Погасила на кухне свет. Села в темноте на табуретку и заплакала в платок.

Нельзя же плакать на полу. Могут остаться пятна.

Бритт-Мари не ложилась всю ночь. Она привыкла. Если всю жизнь живешь для кого-то другого, то привыкаешь не спать.

Разумеется, она сидела в темноте – что люди подумают, если будут проходить мимо и увидят, что она жжет свет посреди ночи, как какой-нибудь уголовник? Но лечь не стала – она помнила, какой слой пыли лежал на полу до того, как она прибралась, и если она умрет во сне, то по крайней мере не успеет провонять и покрыться пылью. О том, чтобы лечь спать на один из угловых диванов, не могло быть и речи – они оказались настолько грязными, что Бритт-Мари пришлось надеть по две резиновых перчатки, чтобы засыпать их

пекарским порошком. Наверное, она могла бы поспать в машине. Если бы была животным.

Девушка из службы занятости говорила, что в двух милях от поселка есть гостиница, но Бритт-Мари не допускала и мысли, чтобы чужие люди стелили ей постель. Конечно, некоторые только и думают, как бы куда-нибудь уехать, чтобы все стало по-другому. А Бритт-Мари мечтала быть дома и чтобы все было как всегда. Чтобы рядом был Кент, а в шкафчике – почти полный флакон «Факсина». Чтобы самой стелить себе постель.

Не то чтобы Бритт-Мари не нравилось, как это делают горничные отеля, ни в коем случае, но, когда они с Кентом живут в отеле, она всегда вешает на дверь табличку «Не беспокоить» и сама стелет постель и прибирает в номере. Не потому, что осуждает других, вовсе нет, – у Бритт-Мари есть рациональные основания делать все самой. Например, горничные вполне могут оказаться из тех, кто осуждает других, и Бритт-Мари меньше всего хочется, чтобы горничные вечером принялись обсуждать, какая грязь в номере четыреста двадцать третьем. Это рациональное основание. Людей ведь хлебом не корми – дай поосуждать других, и что, если это касается и горничных?

Бывало, Кент ошибался со временем регистрации обратного рейса («Эти сволочи даже время в билете не могут правильно указать!»), так что приходилось пускаться в путь среди ночи, даже не приняв душ. Тогда перед выходом Бритт-

Мари бросалась в ванную и на несколько секунд включала душ, чтобы горничная, когда явится убирать, увидела бы воду и не подумала бы, будто постояльцы из четыреста двадцать третьего номера оделись не помывшись.

Кент фыркал, что ее чересчур волнует, что о ней подумают. И до самого аэропорта у Бритт-Мари внутри все кричало. Ведь ей абсолютно все равно, что подумают о ней.

Ей не все равно, что подумают о Кенте.

Бритт-Мари не помнит, когда ему стало все равно, что о ней подумают. Помнит, когда ему было не все равно. Когда он еще смотрел на нее, словно знал, что она есть. Трудно определить, когда расцветает любовь; однажды проснешься – а цветок распустился. И то же самое, когда любовь увядает: однажды становится поздно. В этом смысле у любви много общего с балконными растениями. Иногда не помогает даже сода.

Бритт-Мари не помнит, когда их брак выскользнул у нее из рук. Когда он истерся и истрепался, несмотря на все сервировочные салфетки. Когда-то Кент держал ее за руку, когда они засыпали, и она мечтала его мечты. Не то чтобы у Бритт-Мари не было своих, но мечты Кента были масштабней, а у кого они масштабнее, тот и главнее. Это Бритт-Мари усвоила. На несколько лет она оставила работу, чтобы заботиться о его детях, не мечтая о своих. А потом еще на

несколько – чтобы устроить ему приличный дом ради его карьеры, не мечтая о собственной. У нее появились соседи – они называли ее «старой перечницей», когда она тревожилась, что скажут немцы, если у входной двери стоит мусор или на лестничной клетке пахнет пищей. А друзей не появилось, только знакомые, в основном – жены коллег Кента по бизнесу. Одна из них вызвалась как-то после званого ужина помочь Бритт-Мари с посудой и стала раскладывать в ящике Бритт-Мари ножи-ложки-вилки. Когда ошеломленная Бритт-Мари спросила гостью, что, вообще говоря, она творит, та рассмеялась, словно это была шутка, и сказала: «Да какая разница». И Бритт-Мари с ней раззнакомилась. Кент сказал, что Бритт-Мари недостаточно социализирована, и она несколько лет сидела дома, а он социализировался за них обоих. Несколько лет превратились в десятилетия, а десятилетия в целую жизнь. У лет это обычное дело. Не то чтобы Бритт-Мари отказывалась от собственных ожиданий. Просто однажды утром она проснулась и поняла, что ждать больше нечего. Вышел пшик.

Она думала, что дети Кента ее любят, но дети повзрослели, а взрослые зовут женщин вроде Бритт-Мари «старыми перечницами». Потом в подъезде жили другие дети, и Бритт-Мари кормила их обедом, если они оставались дома одни. Но у этих детей всегда оказывались собственные мамы и бабушки, которые рано или поздно приходили домой. Потом и эти дети стали взрослыми. А Бритт-Мари стала старой пе-

речницей. Кент сказал, что она недостаточно социализирована, и она полагала, что так и есть.

Так что все, чего ей под конец было нужно, – это балкон и муж, который не ходит в туфлях для гольфа по паркету, время от времени кладет рубашку в стиральную машину и который когда-нибудь, хоть один-единственный раз сказал бы сам, что она приготовила вкусный ужин, чтобы ей не пришлось выпрашивать эти слова. Дом. Дети – пусть не ее, но которые хотя бы приезжают домой на Рождество. Или хоть делают вид, что у них есть веские причины не приезжать. Правильно устроенный ящик для столовых приборов. Окна, через которые можно видеть мир. Кто-то, кто обратит внимание на то, что Бритт-Мари тщательно уложила волосы. Или хоть притворится, что обратил внимание. Или хоть позволит притворяться ей, Бритт-Мари.

Хоть бы кто-нибудь когда-нибудь, хоть один-единственный раз, придя в дом, где пол сияет чистотой, а на столе – горячий ужин, увидел, как она старалась. Потому что люди – они как ужин. Не просто так, а ради чего-то. «Как здорово у тебя получилось». Вот ради этого.

Конечно, сердце разбивается, когда уходишь из больницы, унося рубашку, которая пахнет пиццей и духами. Но разбивается оно по трещинам, которые на нем уже есть.

В шесть часов утра Бритт-Мари зажгла лампу на кухне. Не потому, что ей захотелось света, но она рассуждала так:

люди видели, что вчера вечером у нее горела лампа, и пусть они сделают из этого вывод, что Бритт-Мари провела ночь в молодежном центре, зато уж точно не подумают, что в шесть утра она еще спит.

Перед диванами стоял старый телевизор. Бритт-Мари могла бы его включить, чтобы стало не так одиноко, но не включила, потому что по нему наверняка передают футбол. В наше время по телевизору постоянно передают футбол, а от этого Бритт-Мари одиноко еще больше. Стены центра обступили ее в выжидательной тишине. Кофеварка лежала на боку и больше не мигала. Бритт-Мари сидела рядом на табуретке и вспоминала, как дети Кента сказали ему, что у Бритт-Мари «пассивная агрессия». Кент рассмеялся так, как он смеется, когда пьет водку с апельсиновым соком и смотрит футбольный матч (живот прыгает, порциями выдавливая смех через ноздри), и ответил: «Да у нее не пассивная агрессия и даже не активная пассива!» А потом засмеялся так, что пролил водку с соком на ковер. Именно в тот вечер Бритт-Мари ни слова не говоря, перетасила ковер в гостиную. Это ни в коем случае не было пассивной агрессией, — но всему есть границы.

Она расстроилась не из-за слов Кента — а из-за того, что он даже не подумал, вдруг она стоит рядом и слышит его слова. Бритт-Мари отлично знала, что Кент сам не представляет, что значит «активная пассива», но оскорбилась, поскольку прекрасно поняла, какой смысл он вкладывает в это вы-

ражение.

Бритт-Мари не сводила глаз с кофеварки. И в какое-то блаженное мгновение вообразила, что сумеет ее починить, но тотчас одумалась и отдернула руку.

Она ничего не чинила с тех пор, как вышла замуж. Дожидалась Кента. Кент, когда в программе о ремонте показывали женщин, вечно говорил, что «бабе даже икейскую мебель не собрать». И ворчал насчет «квоты». Бритт-Мари обычно сидела рядом с ним на диване и разгадывала кроссворд. Всегда рядом с пультом – чтобы чувствовать на коленях пальцы Кента, когда он нашаривает пульт, чтобы переключиться на футбол.

Бритт-Мари глянула на кофеварку и решительно сцепила руки в замок на животе. Потом взяла еще соды и продолжила уборку. Она только-только успела насыпать пекарского порошка на диваны, как раздался стук в дверь. Чтобы открыть, Бритт-Мари требуется некоторое время – ровно столько, сколько нужно, чтобы забежать в ванную и уложить волосы перед зеркалом, а ведь света в ванной нет.

Кент никогда не понимал, зачем она каждый раз так тщательно причесывается. Даже перед выходом в магазин.

Как будто дело в том, что люди о ней подумают.

За дверью сидела очень довольная Личность с картонной коробкой в руках.

– Ах-ха, – сказала Бритт-Мари коробке.

– Отличное вино, понимаешь. Дешевое. С грузовика упало, ну! – объяснила Личность.

Бритт-Мари не поняла.

– Только придется перелить в бутылку с этикеткой и всей хреню, на случай, если налоговая привяжется. У меня в пиццерии называется – «домашнее красное», на случай, если налоговая привяжется, о'кей? – Личность кинула коробку Бритт-Мари, после чего переехала через порог и огляделась.

На смесь снега и гравия, оставленную колесами на полу, Бритт-Мари смотрела с таким отвращением, словно это были экскременты.

– Прошу прощения, как продвигаются работы по ремонту моего автомобиля? – спросила она.

– Во продвигаются! Во! А я, понимаешь, Бритт-Мари, спросить хотела: тебе цвет важен?

– В каком смысле? – изумилась Бритт-Мари.

Личность взмахнула руками:

– Да знаешь, есть у меня дверь. Во дверь! Но как бы не того цвета, что машина. Как бы... в желтизну.

– А с моей дверью что? – перепугался Бритт-Мари.

– Ничего! Ничего! Просто спрашиваю! Желтая дверь? Не подходит? Она это, как его? Окислилась! Старая дверь. Уже почти не желтая. Уже практически белая.

– Прошу прощения, мне хотелось бы в полной мере довести до вашего сведения, что машина у меня белая и я нико-

им образом не потерплю в ней желтой двери! – воскликнула Бритт-Мари.

Личность замахала руками на Бритт-Мари:

– О'кей-о'кей. Тише, тише, тише. Достанем белую. Не проблема. Не лимон в заднице. Но белая меняет эти, как их? Сроки доставки!

Она беззаботно кивнула на вино:

– Вино любишь, Бритт?

– Нет, – ответила Бритт-Мари, не потому что она не любила вина, а потому что, если ответишь «я люблю вино», люди сделают вывод, что ты алкоголик.

Бритт-Мари не хотелось, чтобы люди делали такие выводы.

– Все любят вино, Бритт! – ухмыльнулась Личность.

– Меня зовут Бритт-Мари. Бритт меня звала только моя сестра, – возмутилась Бритт-Мари.

– Сестра? – Личность просияла. – Значит, есть это, как его? Второй экземпляр? Свезло миру!

Личность ухмыльнулась, словно это была шутка. Причем, по-видимому, на ее, Бритт-Мари, счет.

– Сестра умерла, когда мы были маленькими, – сообщила она, не отрывая взгляда от пакета с вином.

– Ой... ну блин... я... это, как его? Соболезную, – печально проговорила Личность.

Бритт-Мари сильно поджала пальцы в туфлях и тихо от-

ветила:

– Ах-ха. Очень любезно с вашей стороны.

Личность уже улыбалась.

– Вино вкусное, но немного это, как его? Мутноватое! Его бы пару раз процедить через такой кофейный фильтр, ну. И будет зашибись! – с энтузиазмом сообщила она.

Заметив на полу сумку Бритт-Мари и цветочные ящики, Личность улыбнулась еще шире:

– Вот хотела подарить его тебе в честь выхода на работу, но вижу, что оно больше подарок на это, как его? Новоселье!

Бритт-Мари с оскорбленным видом держала пакет на вытянутых руках, будто тикающую бомбу.

– Позвольте заметить, я здесь не живу.

– А где ж ты спала? – ухмыльнулась Личность.

– Я не спала. – Бритт-Мари захотелось вышвырнуть пакет за дверь и зажать уши руками.

– Тут есть типа гостиница, – сказала Личность.

Бритт-Мари благожелательно кивнула:

– Ах-ха, у вас и гостиница есть, подумать только! И пиццерия, и автосервис, и почта, и продуктовый магазин, и гостиница? Должно быть, вам это нравится. Не нужно определяться с выбором.

Физиономия Личности вытянулась от непритворного удивления.

– Гостиница? Зачем мне гостиница? Нет-нет-нет, Бритт-Мари. Это не мой – этот, как его? Профиль!!

Бритт-Мари потопталась в нерешительности и наконец поставила вино в холодильник.

– Я не люблю гостиницы, – сообщила она и захлопнула дверцу.

– Нет, едрить! Не ставь в холодильник, в нем осадок будет! – завопила Личность.

Бритт-Мари смерила ее сердитым взглядом.

– Неужели обязательно сквернословить в помещении, словно мы какие-то дикари?

Личность поехала на кухню и принялась дергать ящики в поисках кофейных фильтров.

– О-о-о, Бритт-Мари! Нашла. Фильтруем. Будет зашибись. Или, понимаешь, можно с фантой смешать. У меня есть дешевая, понимаешь. Китайская!

Вдруг Личность осеклась: заметила кофеварку. По крайней мере, ее останки. Бритт-Мари неловко сцепила руки в замок. Ей захотелось найти вход в черную дыру, отряхнуть его от невидимых пылинок и провалиться туда.

– Что... что это? – спросила Личность, переводя взгляд со швабры на останки кофеварки с отметинами от ручки швабры.

Бритт-Мари долго стояла молча, с пылающими щеками. Может быть, она думала о Кенте. Наконец она кашлянула, выпрямила спину и, глядя Личности прямо в глаза, произнесла:

– Выброс гравия.

Личность посмотрела на нее. Потом на кофеварку. На швабру. И захохотала. Громко. Потом закашлялась. Потом захохотала еще громче. Бритт-Мари глубоко оскорбилась. Разве она сказала что-то смешное? Во всяком случае, сама Бритт-Мари ничего смешного в виду не имела. Она уже не первый год, насколько помнит, не имеет в виду ничего смешного. Стало быть, смеются над ней, а не над ее словами, а это обидно. Такое случается, если долго живешь бок о бок с человеком, который постоянно пытается говорить смешное. В их браке смешное говорил только он. Кент говорил смешное, а Бритт-Мари шла на кухню мыть посуду. Вот такое разделение труда.

А теперь вот Личность захлебывалась от хохота, так что кресло грозило перевернуться. Бритт-Мари растерялась, а ее естественная реакция на растерянность – раздражение. И никакая не агрессия, разумеется, потому что Бритт-Мари не агрессивна. Она принесла пылесос и принялась демонстративно пылесосить посыпанные пекарским порошком диваны.

Хохот перешел в хихиканье и бормотание «выброс гравия, выброс гравия, уржаться, ну». Потом Личность умолкла, призадумалась и выпалила:

– У тебя там в машине здоровенная упаковка!

Словно это сюрприз для Бритт-Мари. Судя по голосу, Личность все еще ухмылялась.

– Я знаю, – ответила Бритт-Мари, не оборачиваясь.

Кресло Личности подкатилось к двери.

– Тебе помочь, это, ее дотащить?

В ответ Бритт-Мари включила пылесос. Личность завопила во всю глотку, чтобы перекрыть гул:

– Мне это ничего не стоит!

Бритт-Мари крепко-крепко, изо всех сил, вдавливала насадку пылесоса в диванную обивку. Снова и снова, до тех пор, пока Личность не сдалась, крикнув напоследок: «У меня, понимаешь, есть типа фанта, если хочешь, к вину! И пицца!» Дверь закрылась. Бритт-Мари выключила пылесос. Не хочется быть невежливой, потому что она вежливый человек. Но с упаковкой ей помогать не надо. Сейчас для Бритт-Мари самое важное на свете – это чтоб никто ей не помогал с этой упаковкой.

Потому что в ней – мебель из «Икеи».

И Бритт-Мари соберет ее сама.

Время от времени мимо Борга проезжают грузовики, отчего молодежный центр сотрясается, будто стоит на разломе литосферы. Она постоянно встречается в кроссвордах, эта литосфера, так что Бритт-Мари в таких вещах разбирается. О местах вроде Борга Бритт-Мари слышала от матери, будто они «за гранью добра и зла», потому что о сельской местности и ее жителях мать Бритт-Мари была именно такого мнения.

Мимо прогрохотал еще один грузовик. Зеленый. Стены тряслись. Бритт-Мари, конечно, уже поняла: раньше грузовики приезжали в Борг, а теперь едут мимо. Сюда уже никто не едет. И отсюда тоже.

Этот грузовик напомнил Бритт-Мари другой. Промелькнувший в окне машины – тогда, в последний день ее детства. С тех пор Бритт-Мари то и дело спрашивала себя, успела бы она крикнуть. Как будто это могло что-то изменить. Мама велела Ингрид пристегнуться, а Ингрид никогда не при-

стегивалась и теперь не стала. Они стали пререкаться – и не увидели грузовика. А Бритт-Мари увидела – она-то всегда пристегивалась, ей хотелось, чтобы мама обратила внимание, что она пристегнулась. Но мама никогда не обращала на это внимания, потому что Бритт-Мари и так все делала правильно.

Он налетел справа. Зеленый. Это Бритт-Мари помнит. Помнит стекла и кровь по всему сиденью. Последнее, что запомнила Бритт-Мари, прежде чем потерять сознание, – что надо убрать кровь и стекло. Навести порядок. И когда она очнулась в больнице, то именно этим и занялась. Стала наводить порядок. После похорон сестры, когда одетые в черное родственники пили кофе в родительской квартире, Бритт-Мари положила салфетку под каждую чашку, перемыла все блюда и протерла все окна. Когда отец начал все дольше задерживаться на работе, а мать окончательно перестала разговаривать, Бритт-Мари прибиралась. Чистила, мыла, драила. Наводила порядок.

Она надеялась, что мама рано или поздно встанет с постели, увидит и скажет: «Как здорово у тебя получилось!» Только этого так и не произошло. Они никогда не говорили о горе – но не могли говорить и ни о чем другом. Бритт-Мари вытащили из машины какие-то люди, кто – она не знала, но знала, что мать в молчаливой своей ярости так и не простила им, что они спасли не ту дочь. Может быть, Бритт-Мари тоже их так и не простила. За то, что спасли ей жизнь, в которой

остался только страх дурно пахнуть после смерти. А однажды Бритт-Мари читала отцовскую утреннюю газету и увидела рекламу средства для мытья окон. Так жизнь и пошла.

И вот ей шестьдесят три, она вдали от дома, за гранью добра и зла, и созерцает Борг из окна на кухне молодежного центра; «Факсина» у нее нет, и мира она не видит.

Разумеется, Бритт-Мари стояла достаточно далеко от окна, чтобы не было видно, что она стоит и смотрит в окно. Что о ней подумают? Что она целыми днями пялится в окно, как уголовник? Но ее машина оставалась на парковке. Бритт-Мари забыла в ней ключи, а упаковка из «Икеи» так и лежит на заднем сиденье. Да и как ее дотащишь до молодежного центра – упаковка-то тяжеленная! Почему, не очень понятно, потому что не очень понятно, что там внутри. Предполагалось, что табуретка наподобие тех двух, что стоят на кухне молодежного центра, но когда Бритт-Мари нашла на складе «Икеи» нужный стеллаж, то упаковок с табуретками на полке не оказалось. Бритт-Мари впала в ступор и полдня осмысляла, нужна ли ей именно табуретка, пока не испугалась, что это наверняка выглядит подозрительно. Что люди подумают? Наверняка что она собирается что-нибудь стащить. От этой мысли ее охватила паника, и, внезапно исполнившись невероятной силы, Бритт-Мари сволокла с ближайшей полки первую попавшуюся упаковку, во всех отношениях очень похожую на то, что она искала все это время. Как ей удалось

перегрузить упаковку из тележки в машину, Бритт-Мари и сама потом поражалась. Наверное, это была та самая сила, которая в телесюжетах про землетрясения появляется у матерей, помогая им поднимать каменные плиты, чтобы спасти детей. Просто в Бритт-Мари эта сила пробудилась от страха, что посторонние заподозрят ее в преступных намерениях.

На всякий случай Бритт-Мари отошла еще дальше от окна. Ровно в двенадцать часов она накрыла себе стол к обеду. Это был не то чтобы обед и не то чтобы стол – всего лишь жестянка арахиса из гостиничного мини-бара и стакан воды, но цивилизованные люди обедают в двенадцать, а Бритт-Мари – человек цивилизованный. Прежде чем сесть, она постелила на диван носовой платок, высыпала арахис на тарелку и принялась есть орешки ножом и вилкой; осуществить это оказалось так же трудно, как вообразить. Потом Бритт-Мари вымыла посуду и еще раз прибралась, так тщательно, что у нее почти кончился запас соды.

Она обнаружила маленькую прачечную со стиральной и сушильной машинами. Бритт-Мари вымыла обе, употребив на это остатки соды, как голодающий на необитаемом острове жертвует последним метром рыболовной лески. Не потому, что Бритт-Мари собралась стирать, а потому что невыносимо думать, что они стоят здесь немытые. В углу за сушилкой обнаружился мешок, полный белых маечек с цифрами. Футболки, догадалась Бритт-Мари. Все стены молодежного центра были плотно увешаны фотографиями разных людей в

таких же маечках. Разумеется, футболки оказались сплошь в пятнах от травы. Это кем надо быть, чтобы заниматься спортом на улице в светлой одежде? Дикарями!

Взяв мобильный, Бритт-Мари позвонила девушке из службы занятости, чтобы узнать – как она полагает, есть ли в продуктовом магазине/пиццерии/автосервисе/на почте в продаже сода. Сода исключительно эффективна от травяных пятен. Девушка не отвечала. Занята своей статистикой, естественно. Бритт-Мари погибает в диком краю, но это никого не волнует.

Бритт-Мари сняла с вешалки пальто. Прямо возле двери, сбоку от фотографий футбольных мячей и людей, которым другого дела нет, как пинать их, висела желтая футболка с надписью «Банк» над цифрой «10». Прямо под ней красовалась фотография улыбающегося старика, который держит перед собой эту самую футболку.

Надев пальто, Бритт-Мари открыла дверь. И увидела лицо, на котором читалось явное намерение постучаться в упомянутую дверь. Лицо посасывало снюс – во всех отношениях скверное начало для непродолжительных отношений лица и Бритт-Мари, которая снюс терпеть не могла. Отношения закончились через двадцать минут; лицо отправилось своей дорогой, посасывая снюс и бурча что-то похожее на «мымра».

Тогда Бритт-Мари снова взяла телефон и позвонила все

по тому же единственному известному ей номеру. Девушка из службы занятости опять не ответила. Бритт-Мари позвонила еще раз, потому что на телефонные звонки положено отвечать. Даже в двенадцать или в шесть. Особенно в двенадцать или в шесть – если тебе звонят в обед или в ужин, значит, у человека случилось что-то серьезное. Иначе ни один цивилизованный человек не станет звонить, когда другие едят.

– Да? – ответила наконец девушка, с набитым ртом.

– Ах-ха, – произнесла Бритт-Мари.

– Бритт-Мари? – жуя, проговорила девушка.

– Вы отвечаете с набитым ртом. Вашего работодателя, наверное, радует, что вам настолько комфортно на работе. – В голосе Бритт-Мари звучала неподдельная благожелательность.

– Простите. У меня обед, – неосторожно призналась девушка.

– Сейчас? Уже половина второго! – возмутилась Бритт-Мари, словно девушке вздумалось пошутить.

Потому что такими вещами не шутят.

– М-м-м, у меня сегодня тут некоторый аврал, так что с обедом пришлось задержаться, – ответила девушка с некоторым намеком на то, что некоторый аврал подразумевает в том числе и полдня, проведенные на телефоне в попытках найти в окрестностях Борга фирму по истреблению грызунов.

Бритт-Мари вздохнула – благожелательно и ни в коей мере не осуждающе:

– Голубушка, у нас ведь не военное положение. Кто же обедает в половине второго.

Девушка не ответила – она не поняла, вопрос это или утверждение.

– Будь вы немножко организованней, – исключительно благожелательно продолжила Бритт-Мари, – вам не пришлось бы так нервничать из-за того, что вы не успеваете пообедать, правда же?

Девушка, яростно жуя, попыталась сменить тему:

– Крысомор приходил? Я обзванивала фирмы несколько часов без остановки, но все же нашла одну, где обещали приехать сра...

– Крысоморка, – поправила Бритт-Мари.

– Что?

– Приезжала *она* – *крысоморка*. Очень современно! – уведомила ее Бритт-Мари.

– Ага.

– У нее во рту был снюс, – сообщила Бритт-Мари, словно это должно было снять все дальнейшие вопросы.

– Ага, – повторила девушка.

– Ах-ха.

– Так она занялась крысой?

– Нет. Ни в малейшей степени!

– Что?

– Она вошла в грязных ботинках, а я только что вымыла пол. И при этом сосала снюс. Сказала, что просто разбрасает отраву, так и сказала, а такое нельзя делать как попало, как по-вашему, можно такое делать как попало? Разбрасывать отраву как попало?

– Н-н...нельзя? – попытала счастья девушка.

– Нельзя! Категорически нельзя! Нельзя. Ведь кто-нибудь может умереть! Я так и сказала. Тогда она закатила глаза, в этих своих грязных ботинках и со снюсом во рту, и сказала, что тогда поставит крысоловку и положит туда сникерс! Сникерс! – Бритт-Мари повысила голос.

Девушка, наоборот, понизила:

– Сникерс, в смысле... батончик?

– На моем только что вымытом полу, – выговорила Бритт-Мари голосом человека, у которого внутри все кричит.

– О'кей. – Девушка тут же пожалела о сказанном, потому что все оказалось вовсе не о'кей.

На том конце воцарилось молчание. Бритт-Мари поправила волосы, собрала с силами и продолжила:

– Тогда я сказала – пусть уж лучше отраву, и знаете, что она ответила? Знаете? Что если крыса съест отраву, то никто не знает, где она подохнет. Она может забраться в стену и подохнуть там. Будет лежать и вонять! Вы это знали? Вы знали, что направили сюда женщину, которая сосет снюс и считает в порядке вещей, чтобы животные подышали и воняли?

– Нет, нет, Бритт-Мари, пожалуйста, я только хотела помочь вам. – Судя по голосу девушки, она снова билась лбом о столешницу.

– Ах-ха. Помогли так помогли, нечего сказать. Разумеется, вам не понять, что некоторым есть чем заняться кроме того, чтобы целыми днями препираться с крысоморками, – благожелательно произнесла Бритт-Мари.

– Это точно, – согласилась девушка.

– Что, простите? – удивилась Бритт-Мари.

– Ничего-ничего.

После очень, очень долгого молчания Бритт-Мари наконец произнесла:

– Х-хе.

В магазине была очередь. Или в пиццерии. Или на почте. Или в автосервисе. Или как это назвать. Но очередь была. Среда бела дня. Как будто людям нечем больше заняться.

Мужчины в бородах и кепках сидели за столиком – пили кофе и читали вечерние газеты. В конце очереди встал Карл, в руках – очередная посылка. Хорошо, наверное, иметь столько свободного времени. Перед Бритт-Мари стояла квадратная дама лет тридцати, в темных очках. Темные очки в помещении. Разумеется, это современно. Рядом – белая собака. Не то чтобы очень гигиенично. Дама взяла пачку масла, шесть банок пива с иностранными буквами (Личность достала их из-под прилавка), большую упаковку яиц, четыре упаковки бекона и больше сортов шоколадного печенья, чем нужно цивилизованному человеку, чтобы иметь

возможность выбора. Личность спросила: «В кредит?» – и дама мрачно кивнула. Сгребла покупки в пакет. Не то чтобы дама была толстухой – Бритт-Мари не из тех, кто клеит людям подобные ярлыки, – но, видимо, некоторым приятно идти по жизни, так откровенно не заботясь об уровне холестерина.

– Слепая, что ли? – рывкнула дама, налетев на Бритт-Мари.

Бритт-Мари изумленно вытаращила глаза. Поправила волосы.

– Отнюдь. У меня великолепное зрение. Я обсуждала это с окулистом. И позвольте вас уведомить, он сказал: «У вас великолепное зрение, Бритт-Мари!» – уведомила даму Бритт-Мари.

– Тогда, может, посторонишься? – буркнула дама, поводя тростью в направлении Бритт-Мари.

Бритт-Мари посмотрела на трость. На собаку. На темные очки. Произнесла «ах-ха», смущенно кивнула и только потом сообразила, что ее кивок не имеет смысла. Слепая и ее собака прошли скорее сквозь Бритт-Мари, чем мимо нее. Дверь за ними радостно звякнула. Дверь – она дверь и есть, что с нее возьмешь?

Личность прокатилась мимо Бритт-Мари, ободрительно махнув рукой.

– Не обращай внимания. Она как Карл. Лимон в жопе.

Личность сделала уточняющий жест, показывая, где и на-

сколько глубоко засел лимон, и выкинула на прилавок штабель пустых коробок для пиццы. Бритт-Мари поправила волосы, юбку и чуть накренившуюся верхнюю коробку, заодно пытаясь поправить и чуть съехавшее самоуважение, после чего осведомилась – крайне благожелательно:

– Позвольте спросить, как продвигаются работы по ремонту моего автомобиля?

Личность поскребла в голове.

– Точно-точно, машина, да. А скажи-ка мне, Бритт-Мари: для тебя эта дверь имеет значение?

– Что вы хотите этим сказать? – Бритт-Мари похолодела.

Личность всплеснула руками:

– Ну просто это, уточнить. Цвет: имеет, поняла. Желтая дверь: не пойдет. Вот я и спрашиваю: дверь для тебя значение имеет? Если нет, то машина это, как его? Готова, можно забирать! А если имеет, то... ну увеличатся... эти, как их? Сроки доставки!

Вид у Личности был крайне довольный.

Чего никак нельзя было сказать о Бритт-Мари.

– Дверь в машине мне, вообще говоря, нужна!

Личность замахала руками:

– Ясно-понятно, ты только не серчай. Я спросила – ты сказала. Дверь: сроки чуток увеличены! – Личность даже показала этот «чуток» большим и указательным пальцами: всего пара сантиметров.

Бритт-Мари поняла, что проваливает переговоры. Ах, ес-

ли бы здесь был Кент – вот кто умеет договариваться! По его словам, когда ведешь переговоры, собеседнику надо делать комплименты. Бритт-Мари сосредоточилась и произнесла:

– Здесь, в Бorge, у всех определенно есть время ходить в магазин среди бела дня. Должно быть, столько досуга – это очень приятно.

Личность подняла брови:

– А сама-то? Страшно это, как его? Занята?

Бритт-Мари терпеливо сложила руки в замок.

– Позвольте вас уведомить, я достаточно занята. Очень и очень. Но у меня неожиданно кончилась сода. Сода у вас в... магазине есть? – Слово «магазин» она произнесла с ангельской кротостью.

– ВЕГА! – гаркнула Личность, так что Бритт-Мари подскочила, едва не опрокинув штабель коробок.

Из-за прилавка вынырнула вчерашняя девочка – снова с футбольным мячом в руках. Рядом с девочкой был мальчик, как две капли похожий на нее, только волосы длиннее. Разумеется, это так по-современному.

– Соды для этой дамы, с вашего этого, как его? С вашего позволения! – произнесла Личность и театрально поклонилась Бритт-Мари. Бритт-Мари такой учтивости не оценила.

– Это она, – шепнула Вега мальчику.

Мальчик посмотрел на Бритт-Мари, словно на потерявшийся ключ. Он стремглав бросился к полкам и, спотыкаясь, вернулся с двумя флаконами в руках. «Факсин». У Бритт-

Мари перехватило дыхание.

То, что она ощутила в последовавшие несколько минут, в кроссвордах иногда обозначают как «внетелесное переживание». На несколько мгновений исчез продуктовый магазин, пиццерия, мужчины с бородами и чашками с кофе и вечерними газетами. Осталось только сердце, оно билось, как пойманная птица. Когда твое сердце бьется посреди кафе – это, согласитесь, весьма досадно.

Мальчик опустил флаконы на прилавок, словно кот – пойманную белку. Пальцы Бритт-Мари метнулись к ним прежде, чем самоуважение успело их отдернуть. Бритт-Мари словно вернулась домой.

– Я... я поняла из ваших слов, что его сняли с производства, – прошептала она, обращаясь к Личности.

Ответил мальчик:

– Спокуха! Омар все достанет! – Он энергично ткнул пальцем себе в грудь:

– Омар – это я!

Он ткнул в «Факсин» еще энергичнее.

– Все заграничные грузовики останавливаются на заправке в городке. Я там всех знаю! Достану что хотите!

Личность кивнула, словно учительница в классе:

– Заправку в Борге закрыли. Нерентабельно!

– Хотите, достану бензин в канистре, поедете домой за так! А хотите, достану еще «Факсина»! – надсаживался

мальчик.

Вега закатила глаза.

– Это я сказала, что ей нужен «Факсин», – прошипела она и положила пачку соды на прилавок.

– А я его достал! – не сдавался мальчик, не сводя глаз с Бритт-Мари.

– Это мой младший брат, Омар, – вздохнула Вега.

– Мы родились в один год! – запротестовал Омар.

– В январе и декабре, ага! – фыркнула Вега.

– Я в Бorge главный решала. Круче всех! Если что понадобится – только скажите! – Омар самодовольно подмигнул Бритт-Мари, хоть и получил от сестры ногой по лодыжке.

– Лох, – вздохнула Вега.

– Падла! – отозвался Омар.

Бритт-Мари не успела понять, гордиться ей или стесняться своей осведомленности о том, что означают эти слова, как Омар повалился на пол, схватившись за губу. Вега уже выходила в дверь: в одной руке футбольный мяч, вторая все еще сжата в кулак.

Личность ухмыльнулась Омару:

– У тебя это, как его? Сладкая вата вместо мозгов! Ничему не учишься, а?

– Вот подляна, я же не ожидал, – огрызнулся Омар и встал; из разбитой губы текла кровь.

Личность принесла еще водки. Омар повернулся к Бритт-Мари:

– Я не ожидал! Только последние трусы бьют человека, когда он не ожидает!

Бритт-Мари не знала, что тут полагается ответить. Тут Омар вытер губу, и его злость – улетучилась. Так малыш, собравшись расплакаться, что уронил мороженое, отвлекается на блестящий мячик.

– Если хотите новые диски для машины, могу достать. Или что угодно. Шампунь, сумочки, что угодно. Достану!

– Может, пластырь достанешь? – ехидно спросила Личность, показав пальцем на его губу.

Бритт-Мари покрепче вцепилась в сумочку и поправила волосы, словно мальчик походя задел и то и другое.

– Мне категорически не нужны ни шампунь, ни сумочки. Омар кивнул на «Факсин»:

– Вот это стоит по тридцать монет каждая, но вы можете взять их в кредит.

– Кредит? – воскликнула Бритт-Мари; предложи он ей заплатить натурой, она не пришла бы в большой ужас.

– Все в Борге покупают в кредит. Это нормально, – пояснил мальчик.

– Я категорически не беру ничего в кредит! Понимаю, что вы здесь, в Борге, наверное, не понимаете, но некоторые в состоянии заплатить! – прошипела Бритт-Мари.

Последние слова вырвались у нее сами – она их говорить не собиралась.

Личность больше не улыбалась. Бритт-Мари и мальчик

оба покраснели, стыдясь каждый за свое. Бритт-Мари поспешно положила деньги на прилавок, мальчик взял их и выскочил за дверь. Вскоре снова раздался глухой стук. Бритт-Мари старалась не смотреть Личности в глаза.

– Мне не дали чека, – констатировала она тихо и без малейшего укора.

Личность покачала головой, поцокала языком.

– Он что, похож на «Икею»? Он же не это, как его? Концерн. Просто пацан с велосипедом.

– Ах-ха, – отозвалась Бритт-Мари.

– Еще что-нибудь? – поинтересовалась Личность – на этот раз значительно менее приветливо – и сложила соду и «Факсин» в пакет.

Бритт-Мари улыбнулась как можно благожелательней:

– Прошу прощения, но как же без чека? Иначе не докажешь, что ты не преступник.

Личность закатила глаза (без чего, по мнению Бритт-Мари, можно было и обойтись) и пощелкала кнопками кассового аппарата. Выехал ящичек с деньгами (которых там оказалось не особенно много), и аппарат выплюнул бледно-желтую бумажку.

– Итого шестьсот семьдесят три кроны пятьдесят эре, – объявила Личность.

Бритт-Мари вытаращила глаза и поперхнулась:

– За соду?

Личность указала в сторону парковки.

– За вмятину на машине. Я это, как его? Произвела внешний осмотр! Я не хочу тебя это, как его? Оскорблять. Поэтому никакого кредита. Шестьсот семьдесят три кроны пятьдесят эре.

Бритт-Мари едва не уронила сумочку. Серьезная сумма!

– У меня... кто... вообще! Ни один цивилизованный человек не носит с собой столько наличных! – произнесла она, повысив голос – вдруг в помещении есть преступники? Конечно, здесь одни только мужчины с бородами и кофе, и никто из них даже не взглянул на нее, но все-таки. Бороды бывают и у преступников – у Бритт-Мари нет предубеждений. – Может, карточкой? – спросила она, чувствуя, что заливается краской.

Личность неуступчиво покачала головой:

– У фотографа карточки, Бритт-Мари. А у нас здесь – наличные.

– Ах-ха. Тогда не могли бы вы сообщить мне, где тут ближайший банкомат.

– В городке, – холодно ответила Личность и скрестила руки на груди.

– Ах-ха...

– Банкомат в Бorge закрыли. Нерентабельно. – И Личность, подняв брови, кивнула на чек.

Бритт-Мари в отчаянии заметалась взглядом по стене, чтобы отвлечься от своих пылающих щек. На стене висела желтая футболка, точно такая же, как в молодежном центре.

«Банк» над цифрой «10» на спине.

Личность увидела, что Бритт-Мари смотрит на футболку; она закрыла кассу, завязала пакет с содой и «Факсином» и подтолкнула его по прилавку к Бритт-Мари.

– Здесь не стыдно брать в кредит, Бритт-Мари. Может, стыдно там, откуда ты приехала, а в Борге – нет, – сказала она.

Бритт-Мари, не зная, куда девать глаза, взяла пакет. Личность глотнула водки и кивнула на желтую футболку на стене.

– Звезда тутошней команды. Прозвали Банком, потому что, когда Банк играл за Борг, это, как его? «Надежно, как в банке!» Давно уж. До финансового кризиса. Потом заболел. Тоже, знаешь, вроде кризиса. И все, нету его.

Личность кивнула на дверь: мяч лупил о доски.

– Папаша Банк тренировал нашу мелюзгу. Держал их в тонусе. Весь Борг в тонусе держал. Со всеми дружил! Но у Бога, знаешь, хреновая бухгалтерия. Раздает, гад, инфаркты кому положено и кому нет. Отец Банк помер месяц назад.

Деревянные стены заведения дрожали и скрипели. Один из мужчин с вечерними газетами и кофейными чашками подошел к прилавку и взял еще кофе. Добавка тут бесплатная, отметила Бритт-Мари.

– Его нашли на полу в этой, как ее? В кухне! – прибавила Личность.

– Прошу прощения?

Личность указала на желтую футболку. Пожала плечами.

– Папашу Банка, ну. На полу в кухне. Утром. Раз – и помер. – Она щелкнула пальцами. Бритт-Мари передернуло. Вдруг и ее обнаружат на кухонном полу? Бритт-Мари подумала про сердечный приступ Кента. Кент всегда был таким рентабельным! Бритт-Мари молчала, вцепившись в пакет с «Факсином» и содой. Личность даже встревожилась.

– Эй, это, тебе еще что-нибудь? У меня есть этот, как его? «Бейлис»! А хочешь – шоколадный ликер! Ну, типа копия, понимаешь, но если развести «О'бой» и водкой – то нормально! Если это... пить залпом!

Бритт-Мари резко помотала головой. И пошла к двери, но вспомнила про кухонный пол, осторожно обернулась, а потом, передумав, снова повернулась к двери.

Потому что всем стоило бы давно усвоить: Бритт-Мари не принимает спонтанных решений. «Спонтанный» – синоним «иррационального», это Бритт-Мари твердо знает, а назвать Бритт-Мари иррациональным человеком ни у кого язык не повернется. Так что ей пришлось нелегко. Бритт-Мари снова оглянулась, потом спохватилась и отвернулась – и, уже стоя лицом к двери, понизив голос, спросила как можно спонтаннее:

– А батончики сникерс у вас, случайно, не продаются?

В январе в Бorge темнеет рано. Бритт-Мари вернулась в молодежный центр и теперь сидела в одиночестве на кухон-

ной табуретке; входная дверь была открыта. Холод не мучил Бритт-Мари, ожидание – тоже. К ожиданию привыкаешь. У нее теперь достаточно времени, чтобы обдумать то, через что она сейчас проходит, – разновидность жизненного кризиса. Она про это читала. У людей то и дело случаются жизненные кризисы.

Крыса вошла в открытую дверь в двадцать минут седьмого. Села на пороге и в высшей степени настороженно осмотрела сникерс на тарелке, стоящей на полотенчике. Строго посмотрев на крысу, Бритт-Мари решительно сложила руки в замок.

– На будущее – мы ужинаем в шесть часов вечера. Как цивилизованные люди.

После некоторого размышления она добавила:

– И крысы.

Крыса смотрела на шоколадный батончик. Бритт-Мари сняла упаковку, положила шоколадку на середину тарелки, рядом – аккуратно сложенную салфетку. Бритт-Мари смотрела на крысу.

– Ах-ха. – Она откашлялась. – Мне не слишком хорошо даются беседы такого рода. Я недостаточно социализирована, как утверждает мой муж. Сам он невероятно социализирован, это все говорят. Он, знаете ли, предприниматель.

Крыса не ответила, и Бритт-Мари пояснила:

– Очень успешный. Очень, очень, очень успешный.

Она подумала, не рассказать ли крысе о своем жизненном

кризисе. Объяснить, как трудно, когда ты остался один, если всю жизнь существовал для кого-то другого. Но доставлять крысе дискомфорт не хотелось. Поэтому Бритт-Мари расправила складку на юбке и официальным тоном произнесла:

– У меня к вам предложение. Каждый вечер, в шесть часов вам здесь подадут ужин. – Бритт-Мари указала на батончик. – Предложение, если вы найдете его взаимовыгодным, будет означать, что я не позволю вам в случае вашей смерти лежать в стене и пахнуть. А вы сделаете то же для меня. Пусть знают, что мы с вами – тут.

Крыса осторожно подкралась к батончику. Вытянула шею, обнюхала. Бритт-Мари стряхнула невидимые крошки с колен.

– Дело, знаете ли, в бикарбонате – когда умираешь, он исчезает из тела. От этого возникает запах. Я прочла об этом, когда Ингрид умерла.

Крыса недоверчиво дернула усами. Бритт-Мари виновато кашлянула.

– Ингрид – моя сестра. Она умерла. Я боялась, что она начнет пахнуть. Так я узнала все про бикарбонат. Тело вырабатывает бикарбонат, чтобы нейтрализовать едкую кислоту в желудке. Когда человек умирает, тело перестает вырабатывать бикарбонат, и тогда едкие кислоты разъедают кожу и просачиваются на пол. Вот это, знаете ли, и пахнет.

Несколько мгновений Бритт-Мари раздумывала, не доба-

вить ли, что сама она всегда считала, что человеческая душа обитает в бикарбонате. Когда душа покидает тело, ничего больше не остается. Только соседи, которые жалуются на запах. Но Бритт-Мари промолчала. Не хотелось доставлять крысе дискомфорт.

Крыса поужинала, но не сказала, что было вкусно.

А Бритт-Мари не спрашивала.

На самом деле все началось именно в этот вечер.

Зима стояла слякотная, снег по пути с неба на землю превращался в дождь. Но дети гоняли мяч в вечерних сумерках как ни в чем не бывало, не смущаясь ни темнотой, ни погодой. Видимость на парковке была крайне ограниченной. Она ограничивалась несколькими пятнами, куда добивали неоновые огни пиццерии и просачивался свет из окна кухни, откуда Бритт-Мари поглядывала на ребят, спрятавшись за занавеской. Хотя, честно говоря, таким футболистам даже самый яркий дневной свет не сильно бы помог попасть по мячу.

Крыса ушла домой. Бритт-Мари заперла дверь, перемыла

посуду, еще раз прибрала весь молодежный центр и теперь стояла у окна, глядя на мир. Время от времени мяч по лужам проскакивал на шоссе, и тогда ребята методом «камень-ножницы-бумага» определяли, кому за ним идти. Что, по мнению Бритт-Мари, негигиенично. Нет, против детей она ничего не имеет, она не из таких, но почему бы не озаботиться гигиеной, даже когда играешь? Когда Давид и Пернилла были маленькими, Кент говорил им, что Бритт-Мари не умеет играть, потому что «не знает, как это – играть». Но это неправда. Бритт-Мари отлично знает, как играть в «камень-ножницы-бумага». Просто ей не кажется гигиеничным заворачивать в чистую бумагу грязные камни. Не говоря уж о ножницах. Кто знает, где они побывали.

Кент, конечно, всегда говорит, что Бритт-Мари во всем видит только негатив. И что недостаточно социализирована. «Черт возьми, да улыбнись же ты!» – ухмыляется он всякий раз, когда заходит на кухню за сигарами, а она моет посуду. Кент занимался гостями, а Бритт-Мари занималась домом, так они поделили жизнь. Кент, черт возьми, улыбается, а Бритт-Мари видит во всем негатив. Наверное, так и есть. Легко, наверное, быть оптимистом, если тебе не нужно наводить порядок после гостей.

Сестра и брат, Вега и Омар, играют в разных командах. Она спокойна и расчетлива, мяча касается внутренней стороной стопы – аккуратно, как поджимают пальцы, чтобы не

задеть ночью того, кого любят. Брат Омар то и дело злится, он гоняется за мячом так, словно тот должен ему денег. Бритт-Мари не разбирается в футболе, но это и не нужно, чтобы понять: Вега играет лучше всех. Вернее, наименее плохо из всех. Омар постоянно в ее тени. И все в ее тени. Вега – как Ингрид.

Ингрид ни в чем не видела негатива. С позитивными людьми не поймешь – то ли их любят за позитивность, то ли они позитивны оттого, что их все любят. Сестра была на год старше Бритт-Мари и на пять сантиметров выше. Чтобы заслонить человека, пяти сантиметров вполне достаточно. Бритт-Мари соглашалась стоять в тени, она другого и не желала, потому что вообще желала для себя не очень много. Иногда так хотелось захотеть чего-нибудь по-настоящему, так сильно, чтобы невозможно было устоять. Чтобы ощутить жизнь. Но это быстро проходило.

А Ингрид просто разрывали бесчисленные желания: ей хотелось стать певицей, хотелось славы, которая ее, разумеется, ожидала, и внимания парней из большого мира, а не обыкновенных мальчишек из их подъезда. Бритт-Мари, правда, и эти мальчишки казались слишком необыкновенными, чтобы рассчитывать на их внимание, но для сестры такой необыкновенности, конечно, мало.

Мальчишки были братья – Альф и Кент. Дрались по любому поводу. Бритт-Мари этого не понимала. Она хвостом ходила за сестрой. Ингрид это вовсе не сердило. Наоборот.

«Ты да я да мы с тобой, Бритт», – шептала она по ночам, когда рассказывала, как они будут жить в Париже, во дворце, полном прислуги. Она звала младшую сестру Бритт – по-американски. Было не очень понятно, зачем в Париже американское имя, но Бритт-Мари была не из тех, кто задает лишние вопросы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.